

Кен Фоллетт

Галки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9314303
Галки: [роман]: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-081683-5

Аннотация

Франция, 1944 год.

Идет подготовка к высадке союзнических сил в Нормандии.

Британские спецслужбы разрабатывают отчаянно смелый план – уничтожить телефонную станцию рядом с местом высадки, чтобы практически парализовать немецкие войска.

Но есть проблема – на этой станции работают только женщины! И тогда британцы формируют женскую диверсионную группу «Галки».

Спецслужбам удастся забросить «Галок» на оккупированную территорию, но там они сталкиваются с опаснейшим противником – опытным и жестоким немецким контрразведчиком Дитером Франком...

Содержание

Воскресенье,	4
Глава первая	4
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
День второй	32
Глава шестая	32
Глава седьмая	35
Глава восьмая	40
Глава девятая	46
Глава десятая	55
День третий	63
Глава одиннадцатая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Кен Фоллетт

Галки

Роман

Во время Второй мировой войны Управление специальных операций¹ направило во Францию ровно пятьдесят оперативников-женщин. Тридцать шесть из них остались в живых, четырнадцать погибли.

Всем им посвящается эта книга

**Воскресенье,
28 мая 1944 года**

Глава первая

За минуту до взрыва на главной и единственной площади Сан-Сесиль было тихо и спокойно. Стоял теплый вечер, слой неподвижного воздуха одеялом окутывал маленький городок. Лениво звонил церковный колокол, без особого энтузиазма призывая прихожан на службу. Фелисити Клэре это напоминало обратный отсчет.

Над площадью возвышалось шато, построенное еще в семнадцатом столетии. Уменьшенная копия Версаля, оно отличалось величественным, выступающим вперед парадным входом, крылья дома были повернуты под прямым углом и немного скошены назад. Над подвалом и двумя наземными этажами возвышалась высокая крыша с арочными мансардными окнами.

Фелисити, которую всегда называли Флик², любила Францию с ее красивыми зданиями, мягким климатом, неспешными обедами, воспитанными людьми. Ей нравились французские картины, французская литература и стильная французская одежда. Приезжие часто находят французов недружелюбными, но Флик с шести лет говорила на их языке, поэтому никто не мог бы сказать, что она иностранка.

Ее возмущало то, что Франция, которую она любила, больше не существовала. Для неспешных обедов не хватало провизии, все картины были украдены нацистами, а нарядную одежду носили только шлюхи. Как и большинство женщин, Флик надевала бесформенные платья, чей цвет давно потускнел от множества стирок. Вернуть ту, подлинную Францию было ее заветным желанием. Если она и подобные ей люди сделают то, что должны сделать, это может произойти уже скоро.

Может, она до этого и не доживет – собственно, она может умереть уже через несколько минут. Она не фаталистка, она хочет жить. Есть множество вещей, которые она собирается сделать после войны: закончить университет, родить ребенка, увидеть Нью-Йорк, купить спортивную машину, выпить шампанского на каннском пляже. Но если ей сейчас придется умереть, она рада тому, что последние секунды своей жизни она проведет на залитой солнцем площади, глядя на прекрасный старый дом и вслушиваясь в мелодичные звуки французского языка.

² Удар, вспышка (англ.).

Шато было построено для местной аристократии, однако последний граф де Сан-Сесиль в 1793 году лишился головы на гильотине. Декоративные сады давно были превращены в виноградники, так как это был винный край, самое сердце провинции Шампань. А в здании теперь находился важный телефонный узел, оказавшийся здесь потому, что ответственный за связь министр был родом из Сан-Сесилия.

Когда пришли немцы, они расширили узел, с тем чтобы обеспечить подключение французской системы связи к новой кабельной магистрали в Германию. Они также разместили в здании региональное отделение гестапо, с кабинетами на верхних этажах и камерами в подвале.

Месяц назад дворец бомбили союзники. Подобная точность бомбометания была необычной. Тяжелые четырехмоторные «ланкастеры» и «летающие крепости», каждую ночь с ревом пролетавшие над Европой, часто промахивались, иногда поражая цели вообще не в том городе, однако истребители-бомбардировщики последнего поколения «лайтнинг» и «тандерболт» могли среди бела дня прокрадываться в тыл противника и поражать небольшие цели вроде моста или железнодорожной станции. Значительная часть западного крыла шато теперь превратилась в кучу изготовленных в семнадцатом веке нестандартных красных кирпичей и прямоугольных белых камней.

Тем не менее воздушный налет не достиг своей цели. Ремонтные работы были проведены очень быстро, телефонная связь была нарушена лишь на то время, которое потребовалось немцам для установки резервных коммутаторов. Все автоматическое оборудование и самые важные усилители междугородней связи находились в подвале, который не слишком пострадал.

Вот почему Флик оказалась здесь.

Шато располагалось с северной стороны площади, окруженное высокой стеной из каменных столбов с железной оградой, которую охраняли часовые в форме. К востоку находилась маленькая средневековая церковь, ее древние деревянные двери были широко распахнуты навстречу летнему воздуху и потоку прихожан. Напротив церкви, с западной стороны, находилось здание муниципалитета, управляемого ультраконсервативным мэром, почти не имевшим разногласий с нацистскими оккупационными властями. С южной стороны находились торговые ряды и бар под названием «Кафе де спорт». Флик сидела на открытом воздухе возле бара, дожидаясь, пока церковный колокол перестанет звонить. На столике перед ней стоял бокал местного белого вина, тонкий и прозрачный. Она так и не сделала ни одного глотка.

Флик была британским офицером в звании майора. Официально она принадлежала к Корпусу медсестер первой помощи – чисто женского формирования, который, естественно, называли «ФЭНИЗ»³. Но это было лишь прикрытие. На самом деле она служила в секретной организации под названием «Управление специальных операций», занимавшейся диверсиями в тылу врага. В свои двадцать восемь лет Флик была одним из самых старых оперативных работников. Уже не в первый раз она была на краю гибели. Она научилась жить, постоянно находясь под угрозой, и справляться со страхом, но когда она смотрела на охрану шато с ее стальными касками и мощными винтовками, сердце словно сжимала чья-то холодная рука.

Три года назад Флик стремилась преподавать французскую литературу в британском университете, прививая студентам любовь к энергичному Гюго, мудрому Флоберу, страстному Золя. Она работала в Военном министерстве, где переводила французские документы, когда ее вдруг пригласили в гостиничный номер на конфиденциальную беседу и спросили, не хочет ли она заняться чем-то опасным.

³ Сокращение от английского названия организации – First Aid Nursing Yeomanry, созвучное слову «фэниз» – задницы.

Без долгих раздумий она согласилась. Шла война, и все ребята, с которыми она была знакома в Оксфорде, каждый день рисковали своей жизнью, так почему бы ей не сделать то же самое? Через два дня после Рождества 1941 года она приступила к обучению в УСО.

Через шесть месяцев она уже работала курьером, перевозя французским группам Сопротивления послания из штаб-квартиры УСО, расположенной в Лондоне на Бейкер-стрит, 64. В те дни радиопередатчиков было мало, а подготовленных радистов еще меньше. Флик должна была прыгнуть с парашютом, с помощью фальшивых документов добраться до места назначения, найти группу Сопротивления, передать ей приказы и получить ответ, а также жалобы и запросы на оружие и боеприпасы. На обратном пути ее подхватывал самолет, обычно это был трехместный «вестерн лисандер», достаточно миниатюрный, чтобы садиться и взлетать с травяной площадки длиной не более шестисот метров.

Затем Флик получила повышение, занявшись диверсионной работой. Как правило, сотрудники УСО были офицерами, и теоретически считалось, что местные бойцы Сопротивления являются их «подчиненными». На практике участники Сопротивления не подчинялись воинской дисциплине, так что оперативники должны были завоевывать их готовность к взаимодействию своим упорством, осведомленностью и авторитетностью.

Работа была опасной. Вместе с Флик курс обучения закончили шестеро мужчин и три женщины, и вот теперь, спустя два года, в строю осталась лишь она одна. Двое точно погибли: одного застрелила «милиция», ненавистная французская полиция безопасности, второй погиб, когда его парашют не раскрылся. Остальные были схвачены, их допрашивали и пытали, после чего они исчезли в немецких лагерях. Флик выжила потому, что она была безжалостна, обладала хорошей реакцией, а ее стремление к безопасности доходило едва ли не до паранойи.

Рядом с ней сидел ее муж Мишель, руководитель ячейки Сопротивления под кодовым наименованием «Белянже»⁴, базировавшейся в Реймсе, городе с кафедральным собором, который находился в пятнадцати километрах отсюда. Готовый riskнуть своей жизнью, Мишель сидел, откинувшись на спинку стула и положив правую ногу на левое колено, в руке он держал бокал бледного, водянистого пива, типичного для военного времени. Его беспечная усмешка завоевала ее сердце еще тогда, когда Флик училась в Сорбонне и писала дипломную работу по этике Мольера – с началом войны ее пришлось забросить. Тогда он был беспечным молодым преподавателем философии, которого обожала масса студентов.

Он и сейчас оставался самым сексуальным мужчиной из всех, кого ей доводилось видеть. Высокий, волосы всегда чересчур длинные, он с небрежной элегантностью носил мятые костюмы и вылинявшие рубашки. Его голос словно приглашал немедленно отправиться в постель, а взгляд голубых глаз заставлял любую девушку почувствовать, будто она единственная женщина на земле.

Нынешняя операция дала Флик прекрасную возможность провести несколько дней с мужем, но эти дни не были счастливыми. Они, правда, не ссорились, но привязанность Мишеля как-то поблекла, словно он соблюдал формальность. Флик чувствовала себя оскорбленной. Инстинкт говорил ей, что он увлечен другой. Мишелю было всего тридцать пять лет, и его небрежное очарование все еще действовало на молодых женщин. Плохо было и то, что из-за войны после свадьбы они в основном жили врозь. А в Сопротивлении и за его пределами немало на все согласных французских девушек, с горечью думала Флик.

Она все еще его любила. Не так, как раньше, – она больше не боготворила его, как в первые дни их медового месяца, не стремилась посвятить свою жизнь тому, чтобы сделать его счастливым. Утренний туман романтической любви рассеялся, и в ясном свете дня их

⁴ В принципе «Белянже» (Bellinger) – это название основанного еще в XIX веке известного французского винного дома, специализирующегося на производстве шампанского.

супружеской жизни она теперь видела, что он тщеславен, занят только собой и ненадежен. Но когда он переключал на нее свое внимание, она по-прежнему ощущала себя единственной, любимой и прекрасной.

Его обаяние действовало и на мужчин, он был выдающимся лидером, отважным и харизматичным. План операции они разрабатывали вместе с Флик. Они будут атаковать дворец в двух местах, тем самым разделив защитников на две части, затем внутри перегруппируются, создав единую группу, которая проникнет в подвал, найдет помещение с основным оборудованием и взорвет его.

Они располагали поэтажным планом здания, который им предоставила Антуанетта Дюпер, руководившая группой женщин, которые убирали шато каждый вечер. Она также приходилась Мишелью тетей. Уборщицы начинали работать в семь часов, с началом вечерней молитвы, и сейчас Флик могла видеть некоторых из них, предъявлявших специальные пропуска охране у кованых железных ворот. На рисунке Антуанетты был указан вход в подвал, но больше никаких деталей, так как это была запретная зона, открытая только для немцев, и там убирались солдаты.

Подготовленный Мишелем план атаки базировался на данных МИ-6, британской разведывательной службы, согласно которым дворец охраняло подразделение Ваффен СС – в три смены по двенадцать человек в каждой. Работавшие в здании гестаповцы не входили в состав боевых частей и скорее всего даже не были вооружены. Ячейка «Белянже» могла выделить для атаки пятнадцать бойцов, и сейчас они уже были расставлены по местам – среди верующих в церкви и празднующих на площади, скрывая оружие под одеждой или в сумках и вещевых мешках. Если данные МИ-6 были точны, в данном случае Сопротивление имело численный перевес.

Тем не менее Флик не оставляло беспокойство, а сердце сжималось от дурных предчувствий. Когда она рассказала Антуанетте об оценках МИ-6, та нахмурилась и сказала, что, как ей кажется, их там больше. Антуанетта была не глупа – она работала личным секретарем Жозефа Лаперьера, главы предприятия по производству шампанского, вплоть до того момента, когда оккупация уменьшила его доходы и место секретаря заняла его собственная жена, – и вполне могла не ошибаться.

Мишель так и не смог разрешить противоречие между оценкой МИ-6 и догадками Антуанетты. Он жил в Реймсе, и никто из его группы не знал обстановки в Сан-Сесиле. Для дальнейшего проведения разведки времени уже не было. Если у сил Сопротивления нет численного превосходства, с ужасом думала Флик, то они вряд ли справятся с дисциплинированными немецкими солдатами.

Она огляделась по сторонам, выискивая на площади знакомых людей, которые вроде бы просто прогуливались, а на самом деле выжидали момента убить или быть убитыми. Возле галантерейного магазина, разглядывая выставленный в витрине рулон тускло-зеленой ткани, стояла Женестьева – высокая двадцатилетняя девушка с пистолетом-пулеметом «стэн»⁵ под легким летним пальто. У бойцов Сопротивления это оружие пользовалось большой популярностью, так как его можно было разделить на три части и носить в небольшой сумке. Женестьева вполне могла быть именно той девушкой, на которую положил глаз Мишель, и в то же время Флик содрогалась от ужаса при мысли о том, что через несколько секунд ее может скосить вражеский огонь.

По вымощенной булыжником площади к церкви направлялся семнадцатилетний, еще более молодой Бертран – светловолосый парень с энергичным лицом, который держал под мышкой завернутый в газету автоматический «кольт» 45-го калибра. Союзники сбросили на

⁵ Пистолет-пулемет (автомат) «стэн» был разработан в 1941 г. Его название представляет собой сокращение от фамилий конструкторов, Шепарда и Терпина, и названия предприятия – «Энфильдский арсенал».

парашютах тысячи таких «кольтов». Из-за его возраста Флик сначала вычеркнула Бертрана из состава боевой группы, но он умолял, чтобы его взяли, а она нуждалась в людях и в конце концов уступила. Флик надеялась, что его юношеская бравада сохранится и после начала стрельбы.

Прислушиваясь к звону колокола и вроде бы докуривая сигарету, стоял Альбер, чья жена в это утро родила ребенка – девочку, так что у Альбера была дополнительная причина на то, чтобы остаться сегодня в живых. В руке он держал бумажный пакет, вроде бы доверху наполненный картошкой, хотя на самом деле это были ручные гранаты № 36.

В общем, на площади все выглядело вполне нормально – кроме одного момента. Возле церкви стоял огромный, мощный спортивный автомобиль. Это была одна из самых быстрых машин в мире – «испано-сюиза» французского производства с авиационным двигателем V12. Над высоким, роскошного вида серебристым радиатором возвышалась фигурка летящего аиста, сама машина была небесно-голубого цвета.

Она приехала сюда полчаса назад. На водителе, красивом мужчине примерно сорока лет, был элегантный гражданский костюм, но он не мог не быть немецким офицером – кто еще рискнул бы ездить на такой машине? Его спутница, высокая, эффектная рыжеволосая женщина в зеленом шелковом платье и замшевых туфлях на высоких каблуках, выглядела шикарно – так могут выглядеть только француженки. Мужчина установил на треногу фотоаппарат и принялся снимать шато. Женщина смотрела на всех с вызовом, словно понимала, что провожающие ее взглядом неряшливо одетые горожане мысленно называют ее *шлюхой*.

Несколько минут назад мужчина напугал Флик, попросив сфотографировать его со своей дамой на фоне шато. Он говорил вежливо, с обворожительной улыбкой, в его речи слышался лишь намек на германский акцент. В этот решающий момент любая помеха просто сводила с ума, но Флик чувствовала, что если она откажется, это может вызвать неприязни, тем более что она изображала местную жительницу, которой нечего больше делать, кроме как убивать время в уличном кафе. Поэтому она отреагировала так, как это сделало бы большинство французов, – с холодным безразличием удовлетворила просьбу немца.

В этом был элемент фарса: британская разведчица-нелегал стоит за фотоаппаратом, немецкий офицер со своей девкой улыбаются ей в объектив, а церковный колокол отсчитывает последние секунды до взрыва. Офицер поблагодарил ее и предложил заплатить за выпивку. Она очень твердо отказалась – ни одна французская девушка не станет пить с немцем, если не хочет, чтобы ее называли шлюхой. Он понимающе кивнул, и она вернулась к мужу.

Офицер явно не находился на службе и как будто был не вооружен, так что не представлял опасности, но его присутствие все равно раздражало Флик. Последние несколько секунд спокойствия она ломала над этим голову и в конце концов поняла, что не верит в то, что он действительно турист. В его поведении была настороженность, несвойственная тем, кто наслаждается красотами старой архитектуры. Его женщина была именно такой, какой казалась, но вот он был не тем, за кого себя выдавал.

Прежде чем Флик успела понять, кто же он такой, колокол перестал звонить.

Мишель осушил бокал и тыльной стороной ладони вытер губы.

Флик и Мишель встали. С нарочитой небрежностью они направились к выходу из кафе и встали в дверях, незаметно заняв наиболее безопасное положение.

Глава вторая

Дитер Франк заметил девушку, сидевшую за столиком кафе, сразу, как только въехал на площадь. Он всегда замечал красивых женщин, и сейчас он сразу отметил ее физическую привлекательность. Это была пепельная блондинка со светло-зелеными глазами, возможно, с примесью немецкой крови – такое нередко бывало на северо-востоке Франции, расположенной так близко от границы. Небольшое, стройное тело было завернуто в похожее на мешок платье, которое, правда, дополнялось ярко-желтым шарфом из дешевого хлопка, – по его мнению, это был намек на очаровательный французский стиль. При разговоре он заметил первоначальную вспышку страха, обычную для французов при приближении немецких оккупантов, но почти сразу же на ее хорошеньком лице появился плохо скрытый вызов, и это заинтересовало немца.

Ей составлял компанию привлекательный мужчина, которого она не особенно интересовала, – вероятно, муж. Дитер попросил ее сделать снимок только для того, чтобы с ней заговорить. В Кельне у него была жена и двое хорошеньких детей, парижскую квартиру он делил со Стефанией, но это не мешало ему заигрывать с другими девушками. Красивые женщины – это как великолепные картины импрессионистов, которые он коллекционировал: владея одной, ты уже хочешь получить другую.

Французские женщины – самые красивые в мире. У французов вообще все красиво: мосты, бульвары, мебель, даже столовый фарфор. Дитер любил парижские ночные клубы, шампанское, фуа-гра и горячие багеты. Ему нравилось покупать галстуки и рубашки в «Шарве», легендарном магазине по продаже рубашек, располагавшемся напротив отеля «Ритц». Будь его воля, он бы всегда с удовольствием жил в Париже.

Он понятия не имел, откуда у него взялись подобные пристрастия. Его отец был профессором музыки – единственного вида искусства, в котором бесспорными мастерами были не французы, а немцы. Однако Дитеру сухая академическая жизнь, которую вел его отец, казалась чрезвычайно скучной, и он привел в ужас своих родителей, став полицейским – одним из первых в Германии полицейских с университетским дипломом. К 1939 году он был начальником уголовной полиции Кельна. В мае 1940 года, когда танки генерала Гудериана пересекли реку Маас и, совершив триумфальный поход по Франции, за неделю достигли Ла-Манша, Дитер, поддавшись эмоциям, подал заявление о переводе в армию. Благодаря опыту работы в полиции его немедленно направили в разведку. Он бегло говорил по-французски и довольно хорошо по-английски, поэтому ему поручили допросы пленных. У него был талант к такой работе, и это доставляло ему чувство глубокого удовлетворения, так как он получал информацию, которая могла помочь его армии. В Северной Африке достигнутые им результаты были отмечены самим Роммелем.

При необходимости он всегда был готов прибегнуть к пыткам, но ему нравилось убеждать людей другими, более мягкими методами. Именно так он заполучил Стефанию. Хладнокровная, чувственная и умная, она владела парижским магазином по продаже дамских шляп – чрезвычайно шикарных и до неприличия дорогих. Но у нее была бабушка-еврейка. Она лишилась магазина, провела полгода во французской тюрьме и уже направлялась в лагерь, в Германию, когда Дитер ее спас.

Он мог ее просто изнасиловать – она явно этого ждала. Никто бы не стал протестовать, никто бы не стал его наказывать. Вместо этого он ее накормил, дал новую одежду, устроил в просторной ванной комнате своей квартиры и обращался с нежным вниманием, пока нако-

нец в один прекрасный вечер после ужина с *фуа де вё*⁶ и бутылкой «Ля Таш»⁷ не соблазнил ее на кушетке прямо перед горящим камином.

Правда, сегодня она служила ему прикрытием. Он снова работал на Роммеля. Фельд-маршал Эрвин Роммель, прозванный «Лисой пустыни», теперь командовал группой армий Б, оборонявшей Северную Францию, а немецкая разведка ожидала высадки союзников этим летом. У Роммеля не хватало людей, чтобы охранять сотни миль уязвимого побережья, поэтому он разработал смелую стратегию гибкого реагирования: его батальоны находились вдали от побережья, готовые быстро переместиться туда, куда потребуется.

Британцы это знали – у них тоже была разведывательная служба. Их план заключался в том, чтобы замедлить ответ Роммеля, нарушив его коммуникации. Днем и ночью британские и американские бомбардировщики наносили удары по автомобильным и железным дорогам, мостам и туннелям, железнодорожным вокзалам и сортировочным станциям. А силы Сопротивления взрывали электростанции и заводы, устраивали крушения поездов, перерезали телефонные линии и посылали девочек-подростков подсыпать песок в баки грузовиков и танков.

Задачей Дитера было определить ключевые коммуникации, которые могут стать целью диверсий, и оценить способность Сопротивления их атаковать. За последние несколько месяцев со своей базы в Париже он объехал всю Северную Францию, облаивая сонных часовых и нагоняя страх на ленивых начальников, усиливая меры безопасности на железнодорожных станциях, в вагонных депо, автопарках и пунктах управления полетами на аэродромах. Сегодня он должен был нанести неожиданный визит на телефонный узел чрезвычайной стратегической важности. Через это здание проходил весь телефонный обмен Верховного командования в Берлине с немецкими силами в Северной Франции. Сюда относились и тайные сообщения, с помощью которых теперь пересылалось большинство приказов. Если бы станция была уничтожена, немецкие системы связи пришли бы в негодность!

Союзники явно знали об этом и пытались разбомбить этот объект – с ограниченным успехом, так что он был первоочередным кандидатом для атаки сил Сопротивления. Тем не менее режим безопасности здесь, по мнению Дитера, никуда не годился. Возможно, это было связано с влиянием гестапо, отделение которого находилось в том же здании. Государственная тайная полиция – так расшифровывалось слово «гестапо» – занималась вопросами государственной безопасности, и людей там зачастую продвигали по службе благодаря лояльности к Гитлеру и восторженному отношению к фашизму, а не из-за их ума и способностей. Дитер провел здесь уже полчаса, сделал массу снимков, но ответственные за охрану объекта так к нему и не подошли, и он постепенно закипал.

Тем не менее, когда церковный колокол перестал звонить, из-за высоких кованых ворот дворца важной походкой вышел гестаповский офицер в форме майора и направился прямо к Дитеру.

– Отдай мне фотоаппарат! – на плохом французском крикнул он.

Дитер отвернулся, делая вид, что не слышал.

– Дворец запрещено фотографировать, придурок! – крикнул гестаповец. – Ты что, не видишь, что это военный объект?

– Вы очень долго ждали, чтобы сообщить мне об этом, – повернувшись к нему, спокойно ответил Дитер на немецком языке.

Офицер опешил – люди в гражданской одежде обычно боялись гестапо.

– О чем вы говорите? – уже не так агрессивно сказал он.

Дитер посмотрел на часы.

⁶ Телячья печень (*фр.*).

⁷ Бургундское красное сухое вино.

– Я здесь уже тридцать две минуты. Я давно мог сделать с десяток фотографий и спокойно уехать. Это вы отвечаете за безопасность?

– А вы кто?

– Майор Дитер Франк из личного штаба фельдмаршала Роммеля.

– Франк! – воскликнул офицер. – Я вас помню.

Дитер посмотрел на него внимательнее.

– Боже мой! – наконец сказал он. – Вилли Вебер?

– *Штурмбаннфюрер*⁸ Вебер к вашим услугам! – Как и большинство офицеров гестапо, Вебер имел эсэсовское звание, который он считал более престижным, чем полицейское.

– Ну, будь я проклят! – сказал Дитер. Теперь было понятно, почему здесь проблемы с безопасностью.

В двадцатых годах Вебер и Дитер были молодыми полицейскими и вместе служили в Кельне. Дитер успешно делал карьеру, у Вебера ничего не получалось. Вебер завидовал успеху Дитера и объяснял его исключительно привилегированным происхождением сослуживца (на самом деле происхождение Дитера было не особенно привилегированным, но так казалось Веберу – сыну грузчика).

В конце концов Вебера уволили. В голове у Дитера постепенно всплывали подробности: случилась автомобильная авария, собралась толпа. Вебер запаниковал и применил оружие, застрелив какого-то зеваку.

Дитер не видел его пятнадцать лет, но мог предположить, как сложилась его карьера: он вступил в нацистскую партию, стал внештатным организатором, поступил на службу в гестапо, упомянув про свою полицейскую подготовку, и быстро пошел вверх в этой компании озлобленных посредственностей.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Вебер.

– По поручению фельдмаршала проверяю вашу систему охраны.

– Система охраны у нас на высоте! – оцетинился Вебер.

– Для какой-нибудь колбасной фабрики – да. Ты оглянись по сторонам. – Дитер махнул рукой в сторону городской площади. – Что, если эти люди участвуют в Сопротивлении? Они могут снять твоих часовых в считанные секунды. – Он указал на высокую девушку в легком летнем пальто, надетом поверх платья. – Что, если у нее под пальто пистолет? Что, если...

Он вдруг осекся.

Он понял, что этот пример, которым он иллюстрировал свои рассуждения, был не просто фантазией. Бессознательно он зафиксировал на площади людей, выстроившихся в боевой порядок. Маленькая блондинка и ее муж укрылись в баре. Двое мужчин в дверях церкви зашли за колонны. Высокая девушка в летнем пальто, секунду назад рассматривавшая витрину, теперь стояла в тени его машины. Дитер увидел, что ее пальто распахнулось, и, к своему изумлению, он осознал, что его выдумка оказалась пророческой: под пальто оказался пистолет-пулемет с откидным прикладом, как раз такого типа, какой предпочитали бойцы Сопротивления.

– Боже мой! – сказал он.

Он сунул руку во внутренний карман пиджака и вспомнил, что у него нет пистолета.

А где Стефания? Он огляделся по сторонам, моментально погрузившись в состояние, близкое к панике, но она стояла за ним, терпеливо дожидаясь окончания его разговора с Вебером.

– Ложись! – крикнул он.

⁸ Судя по этому эпизоду, автор прекрасно знает о существовании в СС и гестапо специальных званий. Тем не менее – вероятно, для того, чтобы не смущать американского читателя, в своей массе не подозревающего о существовании шарфюреров, ротенфюреров и т. д. – эти звания он «конвертирует» в соответствующие армейские.

И тут прогремел взрыв.

Глава третья

Флик стояла в дверях «Кафе де спорт» за спиной Мишеля, поднявшись на цыпочки, чтобы видеть происходящее у него из-за плеча. Она была насторожена, сердце бешено стучало, мышцы напряглись, но в голове как будто текла не кровь, а ледяная вода, – Флик следила за обстановкой и оценивала ее с холодной отстраненностью.

Отсюда было видно восемь человек часовых: двое у ворот проверяли пропуска, двое стояли в воротах, двое патрулировали окрестности шато за кованой оградой и еще двое стояли на верхней площадке короткой лестницы, ведущей к главному входу в шато. Однако основные силы Мишеля должны были обойти ворота стороной.

Длинная северная сторона церкви составляла часть стены, окружавшей территорию шато. Северный трансепт примерно на метр выступал над автостоянкой, некогда бывшей частью декоративного сада. До Великой французской революции у здешнего графа был свой персональный вход в церковь – маленькая дверь в стене трансепта. Более ста лет назад дверь была заколочена и залеплена штукатуркой, и так оставалось вплоть до сегодняшнего дня.

Час назад некогда работавший в карьере пенсионер по имени Гастон вошел в пустую церковь и аккуратно разместил в нижней части заделанного прохода четыре стограммовых бруска желтой пластиковой взрывчатки. Вставив детонаторы, он соединил их вместе, чтобы все они взорвались одновременно, и подсоединил пятисекундный запал к взрывателю нажимного действия. После этого он засыпал участок пеплом из собственной кухонной печи, чтобы это место не бросалось в глаза, а для большей скрытности поставил перед дверью старую деревянную скамью. Довольный своей работой, он опустил на колени и начал молиться.

Через несколько секунд после того, как церковный колокол перестал звонить, Гастон поднялся на ноги, прошел несколько шагов из нефа в трансепт, нажал на взрыватель и быстро нырнул за угол. С готических сводов посыпалась накопившаяся за столетия пыль, но никто не пострадал, так как во время службы в трансепте никого не было.

После взрыва на площади воцарилась гнетущая тишина. Все застыли на месте: охрана у ворот, часовые, патрулирующие изгородь, гестаповский майор и хорошо одетый немец с гламурной любовницей. Флик, полная дурных предчувствий, напряженно вглядывалась в площадь и пространство за оградой. На автостоянке от семнадцатого века сохранился каменный фонтан с тремя замшелыми херувимами, резвящимися там, где некогда текли струи воды. Вокруг сухой мраморной чаши были припаркованы грузовик, бронемашина, «мерседес»-седан, покрашенный в серо-зеленые цвета немецкой армии, и два черных «ситроена» модели «траксьон-авант», которые предпочитали располагавшиеся во Франции гестаповцы. Бак одного из «ситроенов» сейчас заполнял немецкий солдат с помощью бензонасоса, почему-то находящегося прямо перед высоким окном дворца. Несколько секунд не было заметно никакого движения. Затаив дыхание, Флик ждала.

Среди собравшихся в церкви было десять вооруженных бойцов. Священник, который не сочувствовал Сопротивлению и соответственно не был предупрежден, должно быть, радовался, что столько народу пришло на вечернюю службу, обычно не очень популярную. Возможно, он удивлялся тому, что, несмотря на теплую погоду, некоторые пришли в пальто, но после четырех лет строгой экономии многие пообносились, и человек мог прийти в церковь в плаще просто потому, что у него не было пиджака. Флик надеялась, что теперь священник уже все понял. Сейчас все десять человек должны были вскочить со своих мест, выхватить оружие и броситься к новенькой дырке в стене.

Наконец все они показались снаружи. Сердце Флик забило от гордости и страха, когда она увидела, как эта разношерстная армия в старых кепках и поношенных ботинках

бежит через автостоянку к парадному входу шато, топая ногами по пыльной земле и держа наготовку свое разнокалиберное оружие – пистолеты, револьверы, винтовки и даже один автомат. Они еще не начали стрелять, потому что пытались как можно ближе подобраться к зданию до того, как начнется стрельба.

Мишель увидел их одновременно с ней. Он не то хмыкнул, не то вздохнул, и Флик поняла, что он испытывает те же смешанные чувства гордости за их мужество и опасения за их жизнь. Теперь нужно было отвлечь внимание охраны. Мишель поднял свою винтовку «ли-энфилд» номер 4, которые бойцы Сопротивления называли «канадскими винтовками», так как многие из них изготавливались в Канаде, прицелился, подтянул двухпозиционный спусковой крючок и выстрелил. Натренированным движением он тут же передернул затвор, так что оружие снова было готово к бою.

Звук выстрела нарушил воцарившееся было на площади потрясенное молчание. Один из стоявших возле ворот охранников вскрикнул и упал, и Флик ощутила жестокое удовольствие от того, что он уже не станет стрелять в ее товарищей. Для всех остальных выстрел Мишеля послужил сигналом открыть огонь. Стоявший на паперти юный Бертран сделал два выстрела, по звуку скорее напоминавших разрывы хлопушки. Для точной стрельбы из пистолета он находился слишком далеко от ворот, поэтому ни в кого не попал. Стоявший рядом с ним Альбер потянул за кольцо гранату и швырнул ее за ограду; высоко взмыв вверх, она упала и взорвалась в винограднике, бессмысленно разметав в воздухе растительность. Флик хотелось со злостью крикнуть, чтобы они не палили понапрасну, выдавая свое расположение, но она хорошо понимала, что лишь лучшие и к тому же хорошо подготовленные бойцы смогли бы проявить сдержанность в тот момент, когда стрельба уже началась. Из-за спортивной машины открыла огонь Женестьева, в ушах Флик загремел оглушающий треск ее «стэна». Ее стрельба оказалась более эффективной, упал еще один охранник.

Немцы наконец начали действовать. Часовые укрылись за каменными колоннами или улеглись на землю и стали возиться с оружием. Гестаповский майор тщетно пытался достать из кобуры свой пистолет. Рыжая повернулась и пустилась бежать, но ее сексуальные туфли зацепились за булыжное покрытие, и она упала. Ее мужчина упал на нее сверху, закрыв своим телом, и Флик решила, что она правильно предположила в нем военного, так как гражданский не знал бы, что сейчас безопаснее лечь на землю, нежели бежать.

Часовые открыли огонь и почти сразу же попали в Альбера. Флик видела, как он пошатнулся и схватился за горло. Ручная граната, которую он собирался бросить, выпала у него из рук. Тут в него попали во второй раз, теперь уже в лоб. Он упал замертво, и Флик с горечью подумала о родившейся утром девочке, у которой уже нет отца. Стоявший рядом Бертран заметил катившуюся по вековым каменным ступеням ребристую гранату и бросился внутрь как раз в тот момент, когда граната взорвалась. Флик ждала, когда он появится вновь, но он не появлялся, и она с мучительным чувством подумала, что он или убит, или ранен, или просто ошеломлен.

Бежавшая от церкви группа остановилась на автостоянке и открыла огонь по оставшимся шестерым охранникам. Четверо часовых у ворот попали под перекрестный огонь тех, что находились на территории, и тех, кто был на площади, и в считанные секунды были убиты – остались лишь двое на ступеньках дворца. План Мишеля работает, с надеждой подумала Флик.

Однако находившиеся в доме вражеские войска, которые располагали временем, чтобы взяться за оружие и подобраться к окнам и дверям, начали стрелять, снова изменив соотношение сил. Теперь все зависело от их численности.

Несколько мгновений пули сыпались градом, и Флик прекратила подсчет. Затем она с тревогой поняла, что во дворце оказалось больше стрелков, чем ожидалось. Люди из церкви, которые уже должны были находиться внутри здания, отступили под защиту припаркован-

ных на стоянке автомашин. В отношении численности расположенных здесь вражеских солдат Антуанетта была права, а в МИ-6 ошибались. По их оценке, военнотружущих здесь было всего двенадцать, однако бойцы Сопротивления наворачняк подстрелили шестерых, а еще четырнадцать до сих пор вели огонь.

Флик яростно выругалась. В такого рода войне силы Сопротивления могли одержать победу лишь при внезапной атаке, располагая большим численным превосходством. Если они не сломят неприятеля прямо сейчас, то окажутся в очень тяжелой ситуации. По мере того как секунды уходили за секундами, начинали сказываться армейская дисциплина и подготовка. В затяжном конфликте регулярные войска всегда побеждают.

На верхнем этаже здания со звоном разлетелось высокое старинное окно, и в него высунулся ствол пулемета. Благодаря высокой точке обстрела пулемет сразу нанес чудовищный ущерб бойцам Сопротивления, укывшимся на автостоянке. Флик с тоской смотрела, как ее люди один за другим падали и истекали кровью возле высохшего фонтана, всего двое или трое из них все еще продолжали стрельбу.

Все кончено, в отчаянии подумала Флик. Они оказались в меньшинстве и проиграли. Она уже ощущала во рту горький вкус поражения.

В это время Мишель вел стрельбу по пулеметчику.

– С земли мы не сможем его достать! – сказал он. Он окинул взглядом крыши зданий, колокольню и верхний этаж мэрии. – Если бы я смог пробраться в кабинет мэра, то сделал бы оттуда точный выстрел.

– Подожди. – У Флик пересохло во рту. Она не может помешать ему рискнуть своей жизнью, как бы ей этого ни хотелось, но она может повесить его шансы. – Женевьева! – изо всех сил крикнула она.

Женевьева обернулась к ней.

– Прикрой Мишеля!

Женевьева энергично кивнула и открыла огонь из-за спортивной машины, посылая пули в окна шато.

– Спасибо, – обращаясь к Флик, сказал Мишель, выскочил из укрытия и стремительно побежал через площадь, направляясь к мэрии.

Женевьева продолжала стрелять, двигаясь в сторону паперти. Ее огонь отвлекал людей в шато, давая Мишелю шанс пересечь площадь. Но тут слева от Флик последовала вспышка. Посмотрев туда, она заметила гестаповского майора, распластавшегося у стены мэрии и целившегося в Мишеля.

На большом расстоянии было трудно попасть из пистолета в движущуюся цель, но майору может повезти, со страхом подумала Флик. У нее был строжайший приказ наблюдать и докладывать, ни при каких обстоятельствах не ввязываясь в перестрелку, но теперь она подумала: «К черту!» В висевшей на плече сумке она носила свое личное оружие – девятимиллиметровый автоматический «браунинг». Флик предпочитала его привычному для

УСО «кольту», так как у «браунинга» в обойме было тринадцать патронов вместо семи, плюс можно было использовать те же девятимиллиметровые патроны «парабеллум», что и в «стэне». Выхватив пистолет из сумки, она сняла его с предохранителя, взвела курок, вытянула руку и дважды выстрелила в майора.

Она промахнулась, но пули откололи куски стены возле самого его лица, и майор поспешно опустил голову.

Мишель продолжал бежать.

Майор быстро пришел в себя и снова поднял пистолет.

Приближаясь к цели, Мишель также приближался и к майору, уменьшая дальность стрельбы. Мишель выстрелил в майора из своей винтовки, но промахнулся, и майор, сохра-

няя спокойствие, сделал ответный выстрел. На сей раз Мишель упал, и у Флик вырвался крик ужаса.

Ударившись о землю, Мишель попытался встать, но у него ничего не получилось. Флик попыталась успокоиться. Мишель все еще жив, лихорадочно размышляла она. Женевьева добралась до паперти, и ее огонь отвлекал внимание врагов, засевших в шато. Шансы спасти Мишеля у Флик были. Это было нарушением приказа, но никакие приказы не могли заставить ее бросить мужа, чтобы он истек здесь кровью. Кроме того, если она оставит его здесь, его схватят и допросят. Как руководитель ячейки «Белянже», Мишель знал все имена, все адреса, все пароли. Его поимка стала бы настоящей катастрофой.

Выбора не было.

Она снова выстрелила в майора и снова промахнулась, но продолжала нажимать на спусковой крючок. Непрерывный огонь заставил противника отступить вдоль стены в поисках укрытия.

Флик выбежала на площадь. Уголком глаза она видела владельца спортивной машины, который все еще лежал на своей любовнице, защищая ее от огня. «А ведь я совсем о нем забыла, – с внезапной тревогой подумала Флик. – Что, если он вооружен?» Ведь тогда он с легкостью может ее застрелить. Но никаких выстрелов так и не последовало.

Добравшись до лежавшего на спине Мишеля, она опустилась на одно колено, повернулась в сторону мэрии и дважды выстрелила наугад – чтобы отвлечь внимание майора. После этого она посмотрела на мужа.

К облегчению Флик, его глаза были открыты, он дышал. Кровь, кажется, сочилась из левой ягодицы.

– Вроде ты получил пулю в задницу, – сказала она по-английски.

– Ужасно болит, – ответил он по-французски.

Она снова повернулась в сторону мэрии. Отступив на двадцать метров, майор пересек узкую улицу и бросился к дверям магазина. На сей раз Флик потратила несколько секунд на то, чтобы тщательно прицелиться, и сделала четыре выстрела. Витрина магазина разлетелась на куски, майор отшатнулся и упал на землю.

– Постарайся подняться, – сказала Флик по-французски, обращаясь к Мишелю. Он перекатился на живот, застонав от боли, встал на одно колено, но раненая нога его не слушалась. – Давай быстрее! – сказала она. – Если ты здесь останешься, тебя убьют. – Схватив его за рубашку, она с усилием поставила Мишеля на ноги. Он оперся на здоровую ногу, но не смог выдержать собственного веса и тяжело привалился к ней. Поняв, что он не сможет идти, Флик в отчаянии застонала.

Обернувшись к мэрии, она увидела, что майор встает. Лицо его было в крови, но он как будто не был серьезно ранен. Флик предположила, что он получил поверхностные ранения от разлетевшегося стекла, но, возможно, еще способен стрелять.

Оставалось только одно: она должна взвалить Мишеля на себя и вынести его в безопасное место.

Опустившись на колени, она обхватила его вокруг бедер и взвалила на плечо классическим жестом пожарного. Мишель был высоким, но худым – сейчас такими были многие французы. В любом случае ей показалось, что сейчас она упадет. Флик пошатнулась, на секунду почувствовала головокружение, но все же удержалась на ногах.

Через мгновение она сделала шаг вперед.

Шатаясь, Флик поплелась вперед. Возможно, майор в нее стрелял, но она не могла быть в этом уверена, так как на площади по-прежнему не смолкала пальба: стреляли из шато, стреляла Женевьева, стреляли с автостоянки уцелевшие бойцы Сопротивления. Страх, что пуля в любой момент может ее поразить, придавал ей силы, и Флик перешла на неровный бег. Она направлялась на юг, к ближайшему выходу с площади. Пробегая мимо лежавшего

на рыжей немца, она на миг встретила с ним взглядом и прочитала в нем удивление и невольное восхищение. Затем она врезалась в стоявший возле кафе столик, опрокинула его и едва не упала, но сумела удержаться на ногах и побежала дальше. В окно бара попала пуля, по стеклу побежала паутина трещин. Мгновение спустя она завернула за угол, оказавшись вне зоны видимости майора. И оба живы, с благодарностью подумала она, – по крайней мере на ближайшие несколько минут.

До сих пор она не думала о том, куда теперь направится. Два дорожных велосипеда ждали ее в паре кварталов отсюда, но столько она Мишеля не пронесет. Тем не менее на этой улице жила Антуанетта Дюпер – всего в нескольких шагах отсюда. Антуанетта не участвовала в Соппротивлении, но достаточно ему сочувствовала, чтобы снабдить Мишеля планом шато. К тому же Мишель приходился ей племянником, так что она ни в коем случае его не отвергнет.

В любом случае у Флик нет альтернативы.

Антуанетта жила на первом этаже здания со внутренним двором. Подойдя к открытым воротам, нашедшимся всего в нескольких метрах от площади, Флик, шатаясь, проскользнула под арку. Распахнув дверь, она опустила Мишеля на плитки пола.

Тяжело дыша, она изо всех сил принялась стучать в дверь Антуанетты.

– Кто там? – спросил дрожащий голос. Напуганная стрельбой Антуанетта не хотела открывать.

– Скорей, скорей! – задыхаясь, сказала Флик. Она старалась говорить тихо – некоторые из соседей могли сочувствовать нацистам.

Дверь не открылась, но голос Антуанетты стал ближе.

– Кто там?

– Ваш племянник ранен, – инстинктивно не называя имен, сказала Флик.

Дверь открылась. Лицо Антуанетты – державшейся очень прямо пятидесятилетней женщины в хлопчатобумажном платье, когда-то шикарном, а теперь хоть и выцветшем, но хорошо отутюженном – было бледным от страха.

– Мишель! – сказала она и опустилась на колени. – Это серьезно?

– Это больно, но я не умираю, – сквозь стиснутые зубы сказал Мишель.

– Бедняжка. – Ласковым жестом она откинула волосы с его потного лба.

– Давайте внесем его внутрь, – нетерпеливо сказала Флик.

Она взяла его за руки, а Антуанетта – под колени; Мишель вскрикнул от боли. Вместе они внесли его в гостиную и опустили на выцветший бархатный диван.

– Позаботьтесь о нем, пока я отыщу машину, – сказала Флик и снова выбежала на улицу.

Стрельба постепенно стихала. Все быстро кончилось. Пробежав по улице, Флик завернула за один угол, затем за второй.

Возле закрытой булочной стояли две машины с работающими двигателями: ржавый «рено» и автофургон с поблекшей надписью, некогда означавшей «Бланшиссери Биссе» (прачечная Биссе). Фургон принадлежал отцу Бертрана, его удалось заправить бензином потому, что фирма стирала простыни для тех гостиниц, в которых останавливались немцы. «Рено» был сегодня украден в Шалоне, и Мишель поменял на нем регистрационные номера. Флик решила забрать легковушку, оставив фургон для тех, кто сможет выбраться из той бойни, которая сейчас продолжалась возле шато.

– Жди здесь пять минут, потом уезжай, – коротко сказала она водителю фургона. Подбежав к машине, она запрыгнула на пассажирское сиденье и скомандовала: – Поехали, быстро!

За рулем «рено» сидела Жильберта, девятнадцатилетняя девушка с длинными темными волосами, красивая, но глупая. Флик не понимала, почему та оказалась в Соппротивлении – типаж был совсем другой. Вот и сейчас вместо того, чтобы завести машину, Жильберта спросила:

– Куда ехать?

– Я тебе покажу – только, ради Христа, скорее!

Жильберта включила сцепление, и машина поехала.

– Налево, потом направо, – сказала Флик.

В последовавшие две минуты бездействия на нее наконец обрушилось ощущение провала. Ячейка «Белянже» практически уничтожена. Альбер и другие погибли. Женевьева, Бертран и те, кто еще мог выжить, вероятно, обречены на пытки.

И все это зря. Телефонный узел не пострадал, немецкие линии связи остались в целости и сохранности. Флик переживала, ощущая свою никчемность. Она пыталась понять, в чем ошибка. Может, не следовало предпринимать лобовую атаку на охраняемый военный объект? Не обязательно – план вполне мог бы сработать, если бы данные МИ-6 не оказались неточными. Тем не менее, теперь думала она, было бы безопаснее проникнуть в здание какими-то тайными путями. Это повысило бы шансы Сопротивления на то, чтобы уничтожить ценное оборудование.

Жильберта остановилась у входа во внутренний двор.

– Разверни машину, – приказала Флик и выскочила наружу.

Мишель лежал лицом вниз на диване со спущенными брюками, что выглядело довольно унижительно. Антуанетта, надев очки, стояла возле него на коленях и рассматривала его ягодицы.

– Кровотечение уменьшилось, но пуля все еще там, – сказала она.

На полу возле дивана стояла ее сумочка, содержимое которой Антуанетта вывалила на маленький стол – вероятно, когда искала очки. Взгляд Флик упал на листок бумаги в картонной обложке, с печатью, на котором была наклеена фотография Антуанетты. Это был пропуск в шато. В этот момент в голову Флик пришла одна идея.

– У дома стоит машина, – сказала она.

Антуанетта по-прежнему изучала рану.

– Его нельзя перевозить.

– Если он здесь останется, боши⁹ его убьют. – Словно мимоходом взяв в руки пропуск, Флик спросила Мишеля: – Как ты себя чувствуешь?

– Возможно, сейчас я смогу ходить, – сказал он. – Боль уменьшается.

Флик опустила пропуск в свою наплечную сумку. Антуанетта этого не заметила.

– Помогите мне его поднять.

Женщины подняли Мишеля на ноги. Антуанетта натянула на него синие полотняные брюки и застегнула потертый ремень.

– Оставайтесь в доме, – сказала Флик Антуанетте. – Я не хочу, чтобы кто-нибудь видел вас с нами. – Она еще только начала прорабатывать свою идею, но уже знала, что просто умрет, если хоть малейшее подозрение падет на Антуанетту и ее уборщиц.

Обняв Флик за плечи, Мишель тяжело привалился к ней. Она приняла на себя его вес, и Мишель кое-как вышел из дома на улицу. К тому времени, когда они добрались до машины, он весь побелел от боли. Жильберта с ужасом смотрела на них в окно.

– Выйди из машины и открой дверь, идиотка! – зашипела на нее Флик. Жильберта выскочила из машины и распахнула заднюю дверь. С ее помощью Флик засунула Мишеля на заднее сиденье.

Женщины поспешно расположились спереди.

– Давайте выбираться отсюда, – сказала Флик.

⁹ Пренебрежительное прозвище немцев (*фр.*).

Глава четвертая

Дитер был встревожен и испуган. Когда стрельба начала затухать и сердцебиение вернулось к норме, он начал размышлять над тем, что видел. Он не предполагал, что Сопротивление способно на такую тщательно спланированную и аккуратно исполненную операцию. На основании того, что он узнал за последние несколько месяцев, Дитер считал, что рейды его бойцов обычно сводятся к быстрому удару и немедленному отходу. Но сейчас он впервые увидел их в действии. У них хватало оружия и явно не было недостатка в боеприпасах – в отличие от немецкой армии! Но что хуже всего – они вели себя бесстрашно. На Дитера произвели сильное впечатление стрелок, который бежал через площадь, девушка со «стэном», которая прикрывала его огнем, а больше всего – маленькая блондинка, которая подобрала раненого стрелка на пятнадцать сантиметров выше ее ростом и вынесла с площади в безопасное место. Подобные люди могут представлять большую опасность для оккупационных войск. Они совсем не походили на преступников, с которыми Дитер имел дело в кельнской полиции. Преступники были тупыми, ленивыми, трусливыми и жестокими. Эти бойцы Сопротивления были настоящими воинами.

Однако их поражение предоставило ему редкую возможность.

Когда Дитер убедился, что стрельба прекратилась, он поднялся на ноги и помог встать Стефании. Ее щеки горели, она тяжело дышала. Держа его за руки, она заглянула ему в лицо.

– Ты спас меня, – сказала она. В глазах ее стояли слезы. – Ты прикрыл меня собой как щитом.

Он стряхнул грязь с ее губы. Собственная галантность его удивила – этот жест был совершенно инстинктивным. Размышляя об этом, он вовсе не был уверен, что действительно хотел отдать свою жизнь ради спасения Стефании. Он попытался свести все к шутке.

– Такому прекрасному телу нельзя причинять никакого ущерба, – сказал он.

Она начала плакать.

Взяв ее за руку, он повел ее через площадь к воротам.

– Давай войдем внутрь, – сказал он. – Ты сможешь там немного посидеть.

Когда они вошли на территорию, Дитер заметил, что в стене церкви зияла дыра. Это объясняло, каким образом главные силы попали внутрь.

Вышедшие из здания солдаты Ваффен СС разоружали атакующих. Дитер пристально рассматривал бойцов Сопротивления. Большинство из них было убито, но некоторые лишь ранены, а один или два как будто сдались в плен невредимыми. Некоторых из них нужно будет допросить.

До сих пор его работа носила оборонительный характер. В сущности, все, что он мог сделать, – это укрепить ключевые объекты против атак Сопротивления, усилив меры безопасности. Случайно захваченные пленники дают немного информации. Но совсем другое дело – когда у вас под рукой несколько пленных, входящих в состав большой и явно хорошо организованной ячейки. Это дает шанс перейти в атаку.

– Вот вы – приведите врача к этим заключенным! – крикнул он сержанту. – Я хочу их допросить. Не дайте им умереть.

Хотя Дитер был не в форме, по его манере поведения сержант признал в нем старшего по званию.

– Есть! – ответил он.

Дитер проводил Стефанию вверх по лестнице и через величественные двери далее в широкий холл. Вид был потрясающий: полы из розового мрамора, высокие окна с вычурными шторами, запыленные стены с этрусскими мотивами на зелено-розовой штукатурке и потолок с поблекшими херувимами. Некогда, решил Дитер, эта комната была уставлена

великолепной мебелью: столиками с высокими зеркалами, стоящими между окон, сервантами, покрытыми золоченой бронзой, изящными креслами на позолоченных ножках, картинами, написанными масляными красками, огромными вазами, маленькими мраморными статуэтками. Разумеется, теперь все это исчезло, сменившись рядами наборных панелей, возле которых стояли стулья, и переплетением проводов на полу.

Телефонистки, кажется, выбежали наружу и жались позади дома, но теперь, когда стрельба прекратилась, некоторые из них стояли возле остекленной двери, в наушниках и с нагрудными микрофонами, гадая, можно ли вернуться внутрь. Усадив Стефанию за наборную панель, Дитер подозвал к себе одну из телефонисток.

— Мадам, — вежливым, но повелительным тоном пофранцузски сказал он, — пожалуйста, принесите этой даме чашку кофе.

С ненавистью посмотрев на Стефанию, женщина вышла вперед.

— Конечно, мсье.

— С коньяком. Она испытала шок.

— У нас нет коньяка.

Коньяк у них был, но они не хотели давать его любовнице немца. Дитер не стал спорить.

— Тогда только кофе, но побыстрей, иначе будут неприятности.

Похлопав Стефанию по плечу, он отпустил ее и через двустворчатую дверь прошел в восточное крыло. Как можно было видеть, шато состояло из серии гостиных, переходящих одна в другую — как в Версале. Здесь тоже все было уставлено наборными панелями, но выглядели они более солидно, провода были аккуратно уложены в уходившие вниз, в подвал, деревянные желоба. Дитер решил, что обстановка в холле выглядела такой беспорядочной из-за того, что аппаратуру пришлось перенести сюда после бомбардировки западного крыла. Некоторые из окон были заложены — несомненно, для светомаскировки против воздушных атак, но на остальных тяжелые шторы были открыты, и Дитер предположил, что женщины не любят работать в постоянной темноте.

В конце восточного крыла находился лестничный колодец, и Дитер спустился вниз. В полуметре от лестницы находилась стальная дверь, сразу за ней стояли небольшой стол и стул, и Дитер предположил, что здесь обычно сидит охранник. Вероятно, дежурный оставил свой пост, когда началась стрельба. Дитер беспрепятственно вошел внутрь, про себя отметив допущенное нарушение безопасности.

Обстановка здесь разительно отличалась от пышных верхних этажей. Триста лет назад эти помещения предназначались для размещения кухонь, кладовых и проживания десятков слуг, поэтому здесь были низкие потолки, голые стены и каменные полы, а в некоторых комнатах даже земляные. Дитер двинулся вперед по широкому коридору. На каждой двери красовалась аккуратная табличка с надписью на немецком языке, но Дитер все равно заглядывал внутрь. Слева, вдоль фасада здания, располагалось сложное оборудование большого телефонного узла: генератор, мощные батареи и переплетения проводов. Справа, с задней стороны, находились помещения, принадлежащие гестапо: фотолаборатория, большая комната без проводов для подслушивания разговоров Сопротивления и тюремные камеры с глазками в дверях. Подвал был укреплен на случай воздушной атаки: все окна заложены, стены обложены песком, а потолки усилены стальными балками и залиты бетоном. Очевидно, это было сделано на случай бомбардировки союзников.

В конце коридора находилась дверь с надписью «Допросная». Дитер вошел внутрь. В первой комнате были голые стены, яркое освещение и мебель, характерная для стандартной комнаты для допросов: дешевый стол, жесткие стулья и пепельница. Дитер прошел в следующую комнату. Тут освещение было уже не таким ярким, а стены выложены кирпичом. Здесь находились заляпанный кровью столб с крючками для подвешивания людей, стойка

для зонтов с деревянными дубинками и стальными прутьями, больничный хирургический стол с зажимом для головы и ремнями для рук и ног, аппарат для пытки электротоком и запертый ящик, в котором, возможно, находились наркотики и шприцы для подкожных инъекций. Это была камера пыток. Дитер уже не раз посещал подобные помещения, но они все равно вызывали у него чувство отвращения, и ему каждый раз приходилось убеждать себя, что информация, которую собирают в такого рода местах, помогает спасти жизни молодых немецких солдат, чтобы они смогли вернуться к своим женам и детям, а не погибнуть в бою. Но все равно это место вызывало в нем чувство содрогания.

Сзади послышался шум, Дитер вздрогнул и резко обернулся. Увидев, кто стоит в дверях, он испуганно отступил назад.

– Боже мой! – сказал он, глядя на приземистую фигуру, лицо которой из-за резкого освещения в соседней комнате находилось в тени. – Кто вы такой? – спросил Дитер и сам почувствовал, что в его голосе слышится страх.

Фигура вышла из тени и превратилась в человека в форменной рубашке гестаповского сержанта. Он был низеньким и толстым, с пухлым лицом, очень светлые волосы были подстрижены так коротко, что он казался лысым.

– Что вы здесь делаете? – с франкфуртским акцентом спросил он.

Дитер уже пришел в себя и, хотя камера пыток по-прежнему действовала ему на нервы, с привычной властью сказал:

– Я майор Франк. Ваша фамилия!

Сержант сразу стал почтительным.

– Беккер, господин майор. К вашим услугам.

– Как можно скорее доставьте сюда заключенных, Беккер, – сказал ему Дитер. – Тех, кто может ходить, нужно доставить немедленно, остальных – после того, как их осмотрит врач.

– Слушаюсь, господин майор.

Беккер ушел. Вернувшись в допросную, Дитер присел на твердый стул. Он думал о том, как много информации можно получить от этих заключенных. Возможно, они знают только то, что связано с этим городком. Если ему не повезет и если конспирация у них хорошо поставлена, то каждый из них, возможно, знает лишь кое-что о делах своей ячейки. С другой стороны, идеальной конспирации не существует. Некоторые неизбежно накапливают информацию о своей собственной и других ячейках Сопротивления. Дитер мечтал о том, как одна ячейка по цепочке приведет его к другой, и за недели, оставшиеся до вторжения союзников, он сможет нанести Сопротивлению серьезный ущерб.

Заслышав шаги в коридоре, он выглянул наружу. К нему вели заключенных. Первой шла женщина, которая прятала под пальто пистолет-автомат. Дитер был доволен. Когда среди заключенных находятся женщины, это очень полезно. На допросе женщины могут проявлять такое же упорство, что и мужчины, но зачастую можно заставить мужчину говорить, избивая женщину в его присутствии. Эта дама была высокой и сексуальной – что ж, тем лучше. Кажется, она не ранена.

Жестом остановив конвоировавшего ее солдата, Дитер заговорил с женщиной по-французски.

– Как вас зовут? – дружеским тоном спросил он.

Она смирла его надменным взглядом.

– А зачем мне вам об этом говорить?

Он пожал плечами. Такой уровень сопротивления легко преодолеть. Он воспользовался ответом, который помог ему уже сотню раз.

– Ваши родственники могут спрашивать, не находитесь ли вы в заключении. Если мы будем знать ваше имя, то сможем им об этом сообщить.

- Меня зовут Женестьева Дели.
- Красивое имя для красивой женщины.

Следующим был мужчина лет шестидесяти, раненный в голову и к тому же прихрамывающий.

- Мне кажется, для таких дел вы немного староваты, – сказал Дитер.
- Это я установил заряды, – с вызовом сказал мужчина.
- Ваше имя?
- Гастон Лефевр.

– Запомните одну вещь, Гастон, – доброжелательно сказал Дитер. – Боль будет длиться столько, сколько вы захотите. Когда вы решите с ней покончить, она прекратится.

Когда мужчина понял, с чем столкнулся, в его глазах появился страх.

Дитер довольно кивнул.

- Следующий!

Следующим был мальчишка, с виду не старше семнадцати лет, симпатичный парнишка, который был страшно испуган.

- Ваше имя?

Тот помедлил, явно находясь в состоянии шока, и, подумав, сказал:

- Бертран Биссе.
 - Добрый вечер, Бертран, – любезно сказал Дитер. – Добро пожаловать в ад.
- У мальчишки был такой вид, словно ему дали пощечину.

Дитер его отпустил.

Появился Вилли Вебер, за которым следовал Беккер – словно злая собака на цепи.

- Как ты сюда попал? – грубо спросил Вебер.
- Просто вошел, – сказал Дитер. – Ваша система безопасности ни к черту не годится.
- Чепуха! Ты только что видел, как мы отбили серьезное нападение!
- В котором участвовали десять мужчин и несколько девушек!
- Мы их разгромили, остальное неважно.

– Подумай вот о чем, Вилли, – рассудительно сказал Дитер. – Они смогли незаметно для вас подобраться вплотную, прорваться на территорию и убить по меньшей мере шесть отличных немецких солдат. Я подозреваю, что ты победил их только потому, что они недооценили силы противника. А в этот подвал я спокойно прошел потому, что часовой оставил свой пост.

- Он храбрый немец, он хотел принять участие в бою.

– Господи, дай мне силы! – с отчаянием сказал Дитер. – Во время боя солдат не должен оставлять свой пост, чтобы участвовать в бою, он должен выполнять приказы!

- Мне незачем выслушивать от тебя лекции по воинской дисциплине.

Дитер на время уступил.

- А у меня нет желания их читать.
- Чего же ты тогда хочешь?
- Я собираюсь допросить пленных.
- Это работа гестапо.

– Не будь идиотом. Фельдмаршал Роммель предложил именно мне, а не гестапо, сделать так, чтобы Сопротивление нанесло как можно меньший ущерб его коммуникациям в случае вторжения союзников. Эти заключенные могут дать мне бесценную информацию, так что я намерен их допросить.

– Только не у меня! – упрямо сказал Вебер. – Я сам их допрошу и направлю результаты Роммелю.

– Союзники могут вторгнуться уже этим летом – сейчас не время бороться за сферы влияния.

– Никогда не следует игнорировать эффективно действующую организацию.

Дитер едва не вскрикнул от негодования. Нервно сглотнув, он решил поступиться самолюбием и предложил компромисс:

– Давай допросим их вместе.

Вебер победно улыбнулся:

– Ни в коем случае.

– Это значит, что мне придется действовать через твою голову.

– Если сможешь.

– Конечно, смогу. Ты добьешься всего лишь отсрочки.

– Это ты так думаешь.

– Ты полный кретин! – резко сказал Дитер. – Боже, храни фатерлянд¹⁰ от таких патриотов, как ты! – Резко повернувшись, он выскочил из комнаты.

¹⁰ Отечество (нем.).

Глава пятая

Жильберта и Флик оставили позади Сан-Сесиль, направляясь по узкой проселочной дороге в город Реймс. Жильберта гнала машину так быстро, как только могла. Флик настойчиво прочесывала взглядом дорогу, которая то взбегала по низким холмам, то спускалась вниз, неспешно извиваясь между виноградниками. Продвижение вперед замедлялось множеством перекрестков, однако их большое количество исключало для гестапо возможность блокировать все пути из Сан-Сесили. Тем не менее Флик нервно кусала губы, беспокоясь о том, что их может остановить случайный патруль. Она вряд ли сможет объяснить немцам, почему мужчина на заднем сиденье истекает кровью после огнестрельного ранения.

Обдумывая ситуацию, она поняла, что не может отвезти Мишеля домой. После того как в 1940 году Франция капитулировала и Мишель демобилизовался, он не вернулся в Сорбонну, а поехал в свой родной город, где стал заместителем директора школы и создал ячейку Сопротивления (что и было его действительным намерением). Он жил в доме своих покойных родителей – очаровательном особняке, располагавшемся неподалеку от кафедрального собора. Однако, решила Флик, сейчас ему туда ехать нельзя. Его знают слишком многие. Хотя участники Сопротивления часто не знали адреса друг друга (в интересах безопасности их сообщали только в тех случаях, когда необходимо было встретиться или что-то доставить), Мишель был руководителем, так что его соратники в основном знали, где он живет.

В Сан-Сесиле несколько членов группы должны были взять живыми. Очень скоро их начнут допрашивать. В отличие от британских агентов бойцы французского Сопротивления не носили при себе капсулы с ядом. Единственное, что можно было наверняка сказать о допросах, – что в конечном счете говорить начинают все. Иногда гестаповцы теряли терпение, иногда от чрезмерного рвения они убивали допрашиваемых, однако при достаточной решимости и осторожности они могли заставить даже самую сильную личность предать своих лучших товарищей. Никто не может вечно переносить мучения.

Поэтому Флик должна была исходить из того, что дом Мишеля известен врагу. Куда же его теперь следует отвезти?

– Как он там? – с беспокойством спросила Жильберта.

Флик взглянула на заднее сиденье. Глаза Мишеля были закрыты, но дышал он нормально. Он заснул, и для него это самое лучшее. Флик смотрела на него с нежностью. Нужно, чтобы о нем кто-то позаботился – по крайней мере день или два. Она повернулась к Жильберте. Молодая и незамужняя, она, вероятно, все еще живет с родителями.

– Где ты живешь? – спросила Флик.

– В пригороде, на Рут-де-Сернэ.

– Одна?

Жильберта почему-то испугалась.

– Да, конечно, одна.

– Это дом, квартира, комната?

– Двухкомнатная квартира.

– Мы едем туда.

– Нет!

– Почему? Ты боишься?

Жильберта явно оскорбилась.

– Нет, не боюсь.

– Что же тогда?

– Я не доверяю соседям.

– Там есть черный ход?

– Да, с переулка, который идет вдоль небольшой фабрики, – неохотно сказала Жильберта.

– Кажется, это идеальный вариант.

– Да, вы правы, мы должны ехать ко мне. Просто я... Вы застали меня врасплох, только и всего.

– Извини.

Сегодня ночью Флик должна была вернуться в Лондон. В восьми километрах от Реймса, на лугу у деревни Шатель ее будет ждать самолет. Правда, неизвестно, сумеет ли он туда попасть, думала Флик. Ориентируясь по звездам, чрезвычайно трудно найти нужное поле возле маленькой деревни. Пилоты часто сбиваются с пути – собственно, это просто чудо, что они вообще когда-либо попадают туда, куда должны попасть. Она выглянула наружу. Ясное небо постепенно окрашивалось в темно-синие вечерние тона. Если погода не изменится, все будет залито лунным светом.

Не сегодня, так завтра, подумала она – как всегда.

Ее мысли переключились на товарищей, которые остались сзади. Умер ли молодой Бертран или остался жив? И что произошло с Женевьевой? Пожалуй, лучше бы их постигла смерть. Оставшись в живых, они подвергнутся пыткам. Сердце Флик содрогнулось от боли, когда она снова подумала о том, что привела их к поражению. Бертран, кажется, был ею увлечен. Он был слишком молод и потому испытывал чувство вины из-за того, что втайне любил жену своего командира. Лучше бы она приказала ему остаться дома. На исход сражения это бы не повлияло, и он бы чуть дольше оставался веселым, милым мальчишкой, а не стал бы трупом или еще чем-нибудь похуже.

Никто не может каждый раз побеждать, а когда на войне командиры проигрывают, их люди погибают. Это был неопровержимый факт, и все-таки она пыталась найти для себя утешение. Ей хотелось, чтобы их страдания были не напрасны. Возможно, опираясь на эти жертвы, ей в конце концов все-таки удастся одержать победу.

Она вспомнила о пропуске, который украла у Антуанетты, – он давал возможность нелегально проникнуть в шато. Группа может попасть туда под видом гражданских служащих. Она сразу отбросила мысль о том, чтобы выдать бойцов за телефонистов – это квалифицированная работа, тут нужно учиться. А вот метлой может махать каждый.

Заметят ли немцы, что уборщиц подменили? Вряд ли они обращают внимание на женщин, которые подметают пол. А французские телефонистки – не выдадут ли они? Возможно, здесь стоит рискнуть.

В УСО есть прекрасный отдел, который за пару дней может подделать любой документ, иногда даже собственными силами изготавливая для этого бумагу. Там смогут оперативно изготовить копии этого пропуска.

Флик испытывала чувство вины за то, что его украла. Должно быть, сейчас Антуанетта лихорадочно ищет его под диваном, выворачивает карманы и выходит с фонариком во внутренний двор. Когда она сообщит гестапо, что потеряла пропуск, у нее будут неприятности. Но в конце концов они просто выдадут ей замену. В этом смысле она невиновна. Если ее станут допрашивать, она будет упорно утверждать, что куда-то его засунула, искренне считая, что говорит правду. Кроме того, мрачно подумала Флик, если бы она попросила у нее разрешения, Антуанетта вполне могла бы ей отказать.

Разумеется, этот план имел один серьезный недостаток – все уборщицы были женщинами. Группа Сопротивления, которая проникла бы в шато под видом уборщиц, должна была состоять только из женщин.

«А собственно, почему бы и нет?» – подумала Флик.

Они въезжали в пригороды Реймса. Уже было темно, когда Жильберта остановилась возле низкого промышленного здания, окруженного высоким проволочным забором, и заглушила двигатель.

– Проснись! – затормошила Мишеля Флик. – Мы должны отвести тебя внутрь. – Мишель застонал. – Скорей! – добавила она. – Мы нарушаем комендантский час.

Две женщины вытащили его из машины. Жильберта указала на узкий проход, шедший вдоль фабричного здания. Мишель положил руки им на плечи, и они повели его по проходу. Дверь в стене вела на задний двор небольшого жилого здания. Они пересекли этот двор и вошли в дверь черного хода.

Дешевые квартиры располагались на пяти этажах, лифта в доме не было. К несчастью, квартира Жильберты находилась на чердаке. Флик показала, как нести раненого. Переплетая руки, они подхватили Мишеля за бедра и приняли на себя его вес. Чтобы удержать равновесие, он ухватился им за плечи. Так они пронесли его четыре этажа – к счастью, на лестнице никого не было.

Добравшись до нужной двери, они тяжело дышали. Они поставили Мишеля на ноги, и тот смог кое-как пройти внутрь, где тяжело рухнул на кресло.

Флик огляделась по сторонам. Это была типично девичья квартира, чистая и опрятная. Что еще важнее, в нее нельзя было заглянуть снаружи – в этом заключалось преимущество верхнего этажа. Мишель будет здесь в безопасности.

Жильберта засуетилась вокруг Мишеля, устраивая его поудобнее на подушках, осторожно вытирая лицо полотенцем и предлагая аспирин. Эти действия были заботливыми, но непрактичными – как и действия Антуанетты. Обычно он вызывал у женщин подобную реакцию, но только не у Флик. Отчасти он полюбил ее именно потому, что не смог противостоять вызову.

– Тебе нужен врач, – отрывисто сказала Флик. – Может, позвать Клода Буле? Раньше он нам помогал, но в последний раз, когда я с ним заговорила, он не захотел меня узнать. Мне показалось, что он был готов убежать, так он нервничал.

– Он стал бояться после того, как женился, – ответил Мишель. – Но ради меня он придет.

Флик кивнула. Для Мишеля многие готовы сделать исключение.

– Жильберта, приведи доктора Буле.

– Лучше я останусь с Мишелем.

Флик внутренне застонала. Такие, как Жильберта, годятся только на то, чтобы передавать сообщения, но и здесь встречаются осложнения.

– Делай то, что я тебе говорю! – твердо сказала Флик. – Мне нужно побыть вдвоем с Мишелем, прежде чем я вернусь в Лондон.

– А комендантский час?

– Если тебя остановят, скажешь, что идешь за доктором. Такое объяснение они принимают. Они могут пойти с тобой в дом Клода, чтобы убедиться, что ты говоришь правду, но сюда они не пойдут.

Жильберта явно была встревожена, однако надела на себя кардиган и ушла.

Флик уселась на ручку кресла и поцеловала Мишеля.

– Это была настоящая катастрофа, – сказала она.

– Я знаю. – Он возмущенно фыркнул. – Вот вам и хваленая МИ-6. Они должны были удвоить количество людей, о котором нам сообщили.

– Больше не буду доверять этим клоунам.

– Мы потеряли Альбера. Мне придется сообщить об этом его жене.

– Сегодня я возвращаюсь. Я заставлю Лондон прислать тебе другого радиста.

– Спасибо.

– Тебе придется выяснить, кто еще погиб, а кто жив.

– Если смогу. – Он вздохнул.

Она взяла его за руку.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как полный идиот. Такое ранение просто унижительно.

– А физически?

– Немного кружится голова.

– Тебе нужно что-нибудь выпить. Не знаю, что у нее есть.

– Шотландское виски как раз подойдет. – Еще до войны лондонские друзья Флик приучили Мишеля к виски.

– Оно чересчур крепкое. – Кухня находилась в углу гостиной. Флик открыла буфет и, к своему удивлению, увидела там «Дьюарз уайт лейбл». Британские агенты часто брали с собой виски, как для себя, так и для своих товарищей по оружию, но встретить подобный напиток у французской девушки было довольно необычно. Здесь также стояла початая бутылка красного вина, которое больше подходило для раненого. Налив полстакана, Флик долила его доверху водой из-под крана. Мишель с жадностью выпил – потеря крови вызвала у него жажду. Осушив стакан, он откинулся назад и закрыл глаза.

Флик сейчас с удовольствием выпила бы немного виски, но было бы некрасиво отказывать Мишелю и пить его самой. Кроме того, ей все еще нужен был трезвый ум. Она выпьет после того, как вновь окажется на британской земле.

Она осмотрелась по сторонам. На стене пара сентиментальных картинок, пачка старых журналов мод, книг нет. Флик сунулась в спальню.

– Что там тебе надо? – резко спросил Мишель.

– Просто осматриваюсь.

– Тебе не кажется, что в ее отсутствие это немного невежливо?

Флик пожала плечами:

– Вовсе нет. В любом случае мне нужно в туалет.

– Это снаружи. Вниз по лестнице и до конца по коридору – если я правильно помню.

Флик последовала его инструкциям. Находясь в туалете, она, однако, поняла, что с квартирой Жильберты что-то не так. Она всегда прислушивалась к своим инстинктам, которые уже не раз спасали ей жизнь.

– Здесь что-то не так, – вернувшись, сказала она Мишелю. – В чем тут дело?

Он пожал плечами, явно чувствуя себя неловко.

– Не знаю.

– Мне кажется, ты нервничаешь.

– Возможно, из-за того, что меня только что ранило в бою.

– Нет, не из-за этого. Из-за квартиры. – Это явно как-то связано со смущением Жильберты, с тем, что Мишель знает, где здесь находится туалет, и с этим виски. Она вошла в спальню и стала присматриваться. На этот раз Мишель ее уже не упрекал. Она огляделась по сторонам. На ночном столике стояла фотография мужчины с такими же, как у Жильберты, большими глазами и черными бровями – вероятно, ее отца. На стеганом покрывале лежала кукла. В углу находился умывальник с зеркальным шкафчиком над ним. Флик открыла дверцу шкафчика. Внутри находились бритва, чашка и помазок. Жильберта не такая уж невинная – какой-то мужчина оставался у нее на ночь достаточно часто, чтобы оставлять здесь свои бритвенные принадлежности.

Флик присмотрелась к ним повнимательнее. Бритва и помазок составляли единый комплект – с полированными костяными рукоятками. Она подарила этот комплект Мишелю на его тридцать второй день рождения.

Так вот оно что!

Флик была настолько шокирована, что на какой-то момент не могла сдвинуться с места.

Она подозревала, что он интересуется кем-то еще, но не представляла, что дело зашло так далеко. Тем не менее доказательство находилось у нее прямо перед глазами.

Она почувствовала боль. Как он мог ласкать другую женщину, когда она в Лондоне лежала одна в постели? Она повернулась и посмотрела на постель. Они занимались этим прямо здесь, в этой комнате. Это просто невыносимо.

Затем она пришла в бешенство. Она хранила ему верность, она страдала от одиночества – а он нет. Она чувствовала себя обманутой. От ярости она готова была взорваться.

Ворвавшись в соседнюю комнату, она остановилась перед Мишелем.

– Ты мерзавец! – сказала она по-английски. – Ты вшивый отвратительный мерзавец.

– Не надо сердить на меня, – ответил он ей на том же языке.

Он знал, что ей нравится его ломаный английский, но на сей раз это не сработало. Она переключилась на французский:

– Как ты мог меня предать с девятнадцатилетней дурехой?

– Это ничего не значит, просто она хорошенькая.

– Ты думаешь, от этого легче? – Флик знала, что в те дни, когда она была студенткой, а Мишель преподавателем, она привлекла его внимание тем, что спорила с ним на занятиях – французские студенты относились к своим преподавателям гораздо почтительнее, чем английские, а Флик вообще не слишком уважала авторитеты. Если бы Мишеля соблазнила похожая на нее женщина – например, Женестьева, которая ему не уступала, – ей было бы легче. Но он выбрал Жильберту – девушку, которую больше всего интересовал лак для ногтей.

– Я был одинок, – жалобно произнес Мишель.

– Избавь меня от этой душещипательной истории. Дело не в одиночестве – ты просто оказался слабым, бесчестным и ненадежным.

– Флик, дорогая, давай не будем ссориться. Только что убили половину наших друзей. Ты возвращаешься в Англию. Мы оба скоро можем умереть. Не покидай меня такой рассерженной.

– Как же я могу не сердиться? Ведь я оставляю тебя в объятиях этой проститутки!

– Она не проститутка...

– Давай не будем вдаваться в подробности. Я твоя жена, а ты делишь с ней постель.

Пошевелившись в кресле, Мишель сморщился от боли.

– Я признаю свою вину, – сказал он, пристально глядя на Флик своими голубыми глазами. – Я мерзавец. Но я тебя люблю и просто прошу простить меня на этот раз, потому что я могу снова тебя не увидеть.

Этому было трудно противостоять. Сопоставив пять лет замужества и интрижку с молодой девицей, она уступила. Она сделала шаг вперед. Мишель обнял руками ее ноги и уткнулся лицом в ее изношенное платье. Она погладила его по волосам.

– Ну ладно, – сказала она. – Ладно.

– Я так жалею об этом, – сказал он. – Я чувствую себя ужасно. Ты самая замечательная женщина из всех, кого я знаю, и даже из тех, о ком я слышал. Обещаю – такое больше не повторится.

В этот момент в комнату вошли Жильберта с Клодом. Флик вздрогнула и выпустила голову Мишеля из своих объятий. И тут же решила, что ведет себя глупо. Ведь это ее муж, а не Жильберты, и почему вдруг она не может с ним обниматься, пусть даже в чужой комнате? – злилась на себя Флик.

Жильберта казалась шокированной, обнаружив, что ее любовник обнимается здесь со своей женой, но быстро пришла в себя, и на ее лице появилось холодное безразличие.

Клод, приятный молодой врач, с озабоченным видом вошел в комнату вслед за ней.

Подойдя к Клоду, Флик расцеловала его в обе щеки.

– Спасибо, что пришли, – сказала она. – Мы вам очень признательны.

Клод посмотрел на Мишеля.

– Как ты себя чувствуешь, старина?

– У меня пуля в заднице.

– Тогда мне придется ее вынуть. – Его беспокойство исчезло, он сразу превратился в энергичного профессионала. – Положите на кровать полотенца, – обращаясь к Флик, сказал он, – потом снимите с него брюки и положите лицом вниз. А я пока помою руки.

Жильберта положила на свою кровать старые журналы и накрыла их полотенцами, тогда как Флик помогла Мишелю подняться и доковылять до постели. Когда он лег, Флик не удержалась от размышлений о том, сколько раз он здесь уже лежал.

Клод вставил в рану металлический инструмент и принялся искать пулю. Мишель закричал от боли.

– Прости, дружище, – озабоченно сказал Клод.

Флик едва ли не с удовольствием смотрела, как мучается Мишель на той самой постели, где он раньше кричал от порочного удовольствия. Она надеялась, что комната Жильберты навсегда запомнится ей именно такой.

– Давай скорее покончим с этим, – сказал Мишель.

Мстительное настроение Флик быстро прошло, ей стало жалко Мишеля.

– Кусай. Это поможет, – сказала она, пододвинув к его лицу подушку.

Мишель взял подушку в рот.

Клод снова воспользовался своим инструментом и на сей раз вытащил пулю. Несколько секунд кровь текла рекой, но затем кровотечение уменьшилось, и Клод наложил повязку.

– Несколько дней сохраняй максимальную неподвижность, – рекомендовал он Мишелю. Это означало, что тот должен остаться в квартире Жильберты. Правда, в таком состоянии ему будет не до секса, с мрачным удовлетворением подумала Флик.

– Спасибо, Клод, – сказала она.

– Рад был помочь.

– У меня есть еще одна просьба.

Клод явно испугался.

– Какая?

– Без четверти двенадцать я должна встретить самолет. Мне нужно, чтобы вы отвезли меня в Шатель.

– Почему бы Жильберте вас не отвезти на той самой машине, на которой она ко мне приезжала?

– Из-за комендантского часа. Но с вами мы будем в безопасности, вы же врач.

– То есть со мной должны ехать еще два человека?

– Три. Нужно, чтобы Мишель тоже держал фонарик. – Для подобных дел это была неизменная практика: четыре человека из Сопротивления держали фонарики по углам гигантской буквы L, указывая направление ветра и место посадки. Четыре небольших фонарика на батарейках нужно было направить на самолет, чтобы пилот их увидел. Можно было просто установить их на земле, но это было не так надежно, а если бы пилот не увидел того, что ожидал, он мог бы заподозрить ловушку и не приземлиться. По возможности следовало задействовать в этом деле четырех человек.

– И как я объясню все это полиции? На неотложный вызов не ездят с тремя сопровождающими.

– Мы придумаем какую-нибудь историю.

– Это слишком опасно!

- В такое время это займет всего несколько минут.
- Мари-Жанна меня убьет. Она говорит, что я должен думать о детях.
- У вас же нет детей.
- Она беременна.

Флик кивнула. Теперь понятно, почему доктор стал таким боязливым.

Мишель перекатился на спину и сел на кровати.

– Клод, я тебя умоляю, это очень важно, – схватив Клода за руку, сказал он. – Ты ведь сделаешь это для меня?

Мишелю было трудно отказать. Клод вздохнул.

– Когда?

Флик взглянула на часы. Было около одиннадцати.

– Прямо сейчас.

Клод посмотрел на Мишеля.

– Его рана может опять открыться.

– Я знаю, – сказал Мишель. – Пусть кровоточит.

Деревня Шатель состояла из нескольких зданий, расположенных на перекрестке: три фермерских дома, дома работников и пекарня, обслуживавшая окружающие фермы и хутора. Флик стояла на коровьем выгоне в полутора километрах от перекрестка, держа в руке фонарик размером с пачку сигарет.

Под руководством пилотов 161-й эскадрильи она в свое время прошла недельную подготовку по наведению самолетов. Это место отвечало параметрам, которые ей дали. Длина поля составляла около километра – «лисандеру»¹¹ для взлета и посадки требовалось шестьсот метров. Почва под ногами была твердой и ровной – без ската. В лунном свете расположенный неподалеку пруд был хорошо виден с воздуха, являясь хорошим ориентиром для пилотов.

Мишель и Жильберта стояли по прямой линии с наветренной стороны от Флик и тоже держали фонарики, тогда как Клод стоял в нескольких метрах от Жильберты, создавая таким образом посадочные огни в виде перевернутой буквы L. В удаленной местности вместо электрических фонариков можно было использовать костры, но здесь, возле деревни, было слишком опасно оставлять на земле их предательские следы.

Эти четыре человека образовывали, как шутили оперативники, комитет по приему. У Флик это всегда проходило тихо и организовано, однако менее дисциплинированные группы иногда действительно превращали посадку в празднество, когда группы людей отпускали шутки и курили сигареты, а из соседних деревень сбегались зрители. Это было опасно. Если пилот подозревал, что гестапо устроило засаду, он должен был быстро отреагировать. Инструкции для комитетов по приему гласили, что любой, кто подойдет к самолету не с той стороны, может быть застрелен пилотом. В действительности этого никогда не случилось, но однажды бомбардировщик переехал одного из зрителей и задавил его насмерть.

Ожидание самолета всегда было настоящей мукой. Если он не прилетит, Флик ждут еще двадцать четыре часа неослабного напряжения. Оперативник никогда не знает, появится ли самолет. И дело было не в том, что на Королевские ВВС нельзя положиться. Как объясняли Флик пилоты 161-й эскадрильи, вести самолет при лунном свете через сотни миль было чрезвычайно трудным делом. Пилот вычислял путь, определяя свое положение по направлению, скорости и времени полета, и пытался проверить результат по таким ориентирам, как реки, города, железнодорожные линии и леса. Проблема заключалась в том, что было невозможно точно определить, насколько машину сносит ветер. Кроме того, при лунном свете

¹¹ Точнее, «вестленд лисандер» – британский вспомогательный самолет, названный в честь спартанского военачальника V в. до н. э. Лисандера, захватившего Афины.

одна река очень походила на другую. Даже выйти в нужный район было довольно трудно, а ведь требовалось еще найти конкретную площадку.

Если луна скрывалась за облаками, задача становилась невыполнимой, и самолет вообще не взлетал.

Тем не менее ночь была ясной, так что Флик надеялась на лучшее. И действительно, за несколько минут до полуночи она явственно услышала шум одномоторного самолета – сначала слабый, он быстро нарастал, словно взрыв аплодисментов, и ей страшно захотелось домой. Флик начала мигать фонариком, высвечивая по азбуке Морзе букву Х. Если она высветит не ту букву, пилот заподозрит ловушку и улетит без приземления.

Самолет сделал один круг, затем резко пошел на посадку. Он приземлился справа от Флик, затормозил, развернулся между Мишелем и Клодом, проехал назад к Флик и снова развернулся против ветра, замкнув длинный овал, после чего замер, готовый к взлету.

Этим самолетом был «вестленд лисандер» – небольшой моноплан с высоким расположением крыльев, покрашенный в черный цвет. Экипаж состоял из одного человека. Пассажирских сидений было два, но Флик встречала «лиззи»¹², где их было четыре – третье на полу, а четвертое на багажной полке.

Пилот не стал заглушать двигатель – он должен был оставаться на земле всего несколько секунд.

Флик хотелось обнять Мишеля и пожелать ему выздоровления, но еще ей хотелось дать ему пощечину и сказать, чтобы он не прикасался к другим женщинам. Наверное, было только к лучшему, что у нее не было времени ни на то, ни на другое.

Одним рывком Флик вскарабкалась по металлической лестнице, резким движением открыла люк и забралась на борт самолета.

Пилот оглянулся, и Флик подняла вверх два больших пальца. Маленький самолет рванул вперед, набирая скорость, затем оторвался от земли и стал резко набирать высоту.

В деревне несколько домов были освещены – жители деревни не заботились о светомаскировке. Когда Флик здесь приземлялась – с чудовищным опозданием, в четыре часа утра, – она видела с воздуха красный отсвет пекарни, а проезжая по деревне, ощущала запах свежего хлеба – подлинный аромат Франции.

Разворачиваясь, самолет наклонился, и Флик увидела освещенные лунным светом лица Мишеля, Жильберты и Клода – три светлых пятна на темном фоне пастбища. Когда самолет выровнялся и взял курс на Англию, она с неожиданной горечью поняла, что может никогда их больше не увидеть.

¹² Сокращенное от «лисандер».

День второй Понедельник, 29 мая 1944 года

Глава шестая

Дитер Франк ехал ночью на своей большой «испано-сюизе» в сопровождении молодого помощника, лейтенанта Ганса Гессе. Машине было уже десять лет, но ее массивный одиннадцатилитровый двигатель работал без устали. Вчера вечером Дитер обнаружил на правом крыле машины ровный ряд пулевых отверстий (напоминание о перестрелке на площади в Сан-Сесиле), но механических повреждений не было, так что, по его мнению, это только придавало машине больше привлекательности – словно дуэльный шрам на щеке прусского офицера.

На то время, пока они двигались по затемненным улицам Парижа, лейтенант Гессе замаскировал фары, а когда они выехали на дорогу, ведущую в Нормандию, снял с них чехлы. Машину вели по очереди, каждый по два часа, хотя Гессе, который обожал эту машину и боготворил своего командира, с радостью просидел бы за рулем всю дорогу.

Загипнотизированный видом пролетающих в свете фар проселочных дорог, охваченный полудремой Дитер пытался нарисовать будущее. Отвоюют ли союзники Францию, вытеснив из нее силы оккупантов? Мысль о поражении Германии была гнетущей. Может, будет достигнуто какое-то мирное урегулирование, по которому Германия отдаст Францию и Польшу, сохранив за собой Австрию и Чехословакию? Правда, это выглядело ненамного лучше. После волнующей жизни и чувственных удовольствий в Париже, со Стефанией, ему трудно было представить возвращение к повседневной жизни в Кельне, с женой и детьми. И для Дитера, и для Германии единственный удачный вариант заключался в том, чтобы армия Роммеля сбросила захватчиков обратно в море.

Незадолго до рассвета, хмурым утром, Гессе въехал в маленькую средневековую деревушку Ла-Рош-Гийон, расположенную на берегах Сены между Парижем и Руаном. На расположенном на краю деревни блокпосту он остановился, но там их уже ждали и быстро пропустили. Проехав мимо стоящих в тишине домов с закрытыми ставнями, они остановились у следующего КПП – у ворот древнего замка – и в конце концов въехали в вымощенный булыжником большой внутренний двор. Оставив Гессе в машине, Дитер вошел в здание.

Главкомандующим немецкими войсками на Западе был фельдмаршал Герд фон Рунштедт, авторитетный генерал из старого офицерского сословия. У него в подчинении, отвечая за оборону побережья Франции, был фельдмаршал Эрвин Роммель, а замок Ла-Рош-Гийон являлся его штаб-квартирой.

Дитер Франк считал, что они с Роммелем во многом похожи. Оба были сыновьями учителей (отец Роммеля был директором школы), оба прочувствовали на себе ледяной снобизм германских военных, исходящий от таких людей, как фон Рунштедт. Однако в остальном они были очень разными. Дитер был сибаритом, наслаждавшимся всеми культурными и чувственными удовольствиями, которые могла предложить ему Франция. Роммель же был трудоголиком, который не пил, не курил и часто забывал поесть. Он был женат на единственной девушке, с которой когда-либо встречался, и три раза в день писал ей письма.

В холле Дитер встретил адъютанта Роммеля, майора Вальтера Гёделя – холодную личность с мощным интеллектом. Дитер уважал его, но никогда не любил. Вчера поздно вечером они разговаривали по телефону. Дитер обозначил проблему, которая возникла у него с гестапо, и сказал, что хотел бы как можно скорее увидеться с Роммелем. «Приезжайте к

четырем часам утра», – сказал Гёдель. Роммель всегда усаживался за письменный стол к четырем часам утра.

Теперь Дитер гадал, правильно ли он поступил. Роммель ведь мог сказать: «Как вы смеете беспокоить меня подобными пустяками?» Впрочем, Дитер так не думал. Военачальники любят ощущать, что они владеют деталями, и Роммель почти наверняка окажет Дитеру ту поддержку, которую он просит. Но в этом никогда нельзя быть уверенным, особенно если командующий напряженно работает.

– Он хочет увидеть вас прямо сейчас, – коротко кивнув в знак приветствия, сказал Гёдель. – Идите сюда.

– Что слышно из Италии? – спросил Дитер, когда они шли по коридору.

– Только плохое, – сказал Гёдель. – Мы уходим из Арче.

Дитер понимающе кивнул. Немцы упорно сражались, но были не в состоянии остановить продвижение врага на север.

Секунду спустя Дитер входил в кабинет Роммеля. Это было большое помещение на первом этаже здания. Дитер с завистью отметил висевший на стене бесценный гобелен семнадцатого столетия. Здесь было совсем немного мебели – лишь несколько стульев и огромный древний письменный стол, показавшийся Дитеру одного возраста с гобеленом. На столе стояла одинокая лампа, за столом сидел небольшого роста мужчина с редкими светлыми волосами.

– Господин фельдмаршал, прибыл майор Франк, – сказал Гёдель.

Дитер с беспокойством ждал. Роммель несколько секунд продолжал чтение, затем сделал на бумаге какую-то пометку. Он был похож на управляющего банком, просматривающего счета самых важных клиентов, – до тех пор, пока он не поднял взгляд. Франк уже видел его лицо, но оно не переставало его пугать. Это было лицо боксера – с приплюснутым носом, широким подбородком и близко посаженными глазами, излучавшее ничем не прикрытую агрессию, которая и сделала Роммеля легендарным военачальником. Дитер вспомнил историю о его первом бое во время Первой мировой войны. Командуя авангардом из трех человек, Роммель наткнулся на группу французов, состоявшую из двадцати солдат. Вместо того чтобы отступить и вызвать подкрепление, Роммель открыл огонь и сам напал на врага. Он чудом остался жив – но Дитер помнил высказывание Наполеона: «Пришлите мне удачливых генералов». С тех пор Роммель предпочитал внезапное наступление осторожному планомерному продвижению вперед. В этом он был полной противоположностью своему оппоненту по африканской кампании, Монтгомери, который никогда не атаковал противника, если не был уверен в победе.

– Садитесь, Франк, – отрывисто сказал Роммель. – Что вас беспокоит?

Дитер выучил это наизусть.

– В соответствии с вашими инструкциями я посещал ключевые объекты, которые могут подвергнуться атакам сил Сопротивления, и принимал меры по совершенствованию на них системы безопасности.

– Хорошо.

– Я также пытался оценить возможности сил Сопротивления по нанесению серьезного ущерба. Смогут ли они значительно подорвать нашу способность противостоять вторжению?

– И каков ваш вывод?

– Ситуация хуже, чем я себе представлял.

Роммель с досадой фыркнул, словно подтвердились его худшие предположения.

– Причины?

Роммель явно не собирался откусывать ему голову. Дитер немного успокоился. Он рассказал о вчерашней атаке в Сан-Сесиле: изобретательное планирование, хорошее вооруже-

ние и, что еще важнее, храбрость бойцов. Единственное, о чем он умолчал, – это красота светловолосой девушки.

Роммель встал и прошелся по ковра. Он смотрел на ковер, но Дитер был уверен, что он его не видел.

– Этого я и боялся, – сказал Роммель. Он говорил тихо, словно разговаривал сам с собой. – Я могу отразить вторжение даже с теми незначительными силами, которыми я располагаю – если только смогу сохранить мобильность и гибкость. Но если связь прервется, я проиграл.

Гёдель согласно кивнул.

– Я думаю, мы можем использовать атаку на телефонный узел в своих целях, – сказал Дитер.

Роммель повернулся к нему и криво улыбнулся:

– Господи, если бы все мои офицеры были такими, как вы! Ну, рассказывайте, как вы это сделаете!

Дитер почувствовал, что встреча идет по его сценарию.

– Если я смогу допросить захваченных пленных, они могут привести меня к другим группам. Если повезет, мы сможем до начала вторжения нанести Сопротивлению большой ущерб.

– Это похоже на бахвальство, – скептически заметил Роммель. У Дитера сжалось сердце. – Если бы это сказал кто-то другой, – снова заговорил Роммель, – я выставил бы его вон. Но я помню вашу работу в пустыне. Тогда вы заставили их сказать вам такие вещи, о которых они и сами едва догадывались.

Дитер был польщен.

– К сожалению, гестапо отказывается допустить меня к заключенным, – развивая свой успех, сказал он.

– Они полные кретины.

– Мне нужно ваше вмешательство.

– Конечно. – Роммель взглянул на Гёделя. – Позвоните на авеню Фош. – В Париже на авеню Фош, 84, находилась французская штаб-квартира гестапо. – Скажите им, что майор Франк допросит заключенных сегодня же, или следующий звонок будет с Берхтесгадена. – Роммель говорил о баварской крепости Гитлера. Фельдмаршал никогда не отказывался от своей привилегии непосредственного доступа к Гитлеру.

– Хорошо, – сказал Гёдель.

Обойдя вокруг старинного стола, Роммель снова сел.

– Пожалуйста, держите меня в курсе, Франк, – сказал он и вновь обратился к бумагам.

Дитер и Гёдель вышли из комнаты, после чего Гёдель проводил Дитера к выходу из замка.

Снаружи все еще было темно.

Глава седьмая

Флик приземлилась на военном аэродроме Темпсфорд, расположенном в восьмидесяти километрах к северу от Лондона, возле деревни Сэнди, графство Бедсфордшир. Холодный и влажный ночной воздух напоминал ей о том, что она вернулась в Англию. Она любила Францию, но здесь был ее дом.

Идя по взлетному полю, она вспоминала о том, как в детстве возвращалась с каникул. Завидев дом, ее мать всегда повторяла одно и то же: «Хорошо уезжать и хорошо возвращаться». Слова матери иногда приходили ей на ум в самые странные моменты.

Молодая женщина в форме капрала Корпуса медсестер первой помощи ждала ее возле мощного «ягуара», чтобы отвезти в Лондон.

– Какая роскошь! – устраиваясь на кожаном сиденье, сказала Флик.

– Я должна отвезти вас прямо на Орчард-корт, – сказала водитель. – Там ждут, чтобы выслушать ваш отчет.

Флик потеряла глаза.

– Боже мой! – с чувством произнесла она. – Они что, думают, что нам вовсе не нужно спать?

Никак на это не отреагировав, водитель сказала:

– Надеюсь, операция прошла успешно, майор?

– СНВП.

– Прошу прощения?

– СНВП, – повторила Флик. – Это сокращение – ситуация нормальная, всё провалилось.

Женщина ничего не ответила. Флик решила, что та смутилась. Это очень мило, печально думала она, что еще есть девушки, которых шокируют казарменные шутки.

Когда быстроходная машина проезжала деревни Стивенэдж и Небуорт, начало светать. Флик смотрела из окна на скромные домики с растущими перед ними овощами, на деревенские почтовые отделения, где пухлые почтальонши с отвращением выдавали однопенсовые марки, на разносортные пивные с теплым пивом и разбитыми пианино и радовалась тому, что нацисты не зашли так далеко.

Это ощущение только укрепило ее решимость вернуться во Францию. Она хотела еще раз попытаться атаковать это шато. Она представила себе людей, оставшихся в Сан-Сесиле: Альбера, юного Бертрана, красивую Женеьеву и других – погибших или схваченных. Она думала об их родных, мучающихся неизвестностью или охваченных скорбью, и ее переполняла уверенность, что эта жертва будет не напрасной.

Нужно начинать прямо сейчас. Это хорошо, что ей придется немедленно отчитываться – она получит шанс прямо сейчас предложить новый план. Руководители УСО сначала отнесутся к этому настороженно, так как на подобные операции никто еще не посылал исключительно женские группы. Будут всяческие возражения, но ведь с новыми делами так бывает всегда.

К тому времени, когда они достигли северных предместий Лондона, уже полностью рассвело и то тут, то там встречались «ранние пташки»: почтальоны и молочники разносили свой груз, водители трамваев и автобусные кондуктора направлялись на работу. Признаки войны были видны повсюду: плакат, призывающий экономить, объявление в мясной лавке о том, что сегодня мяса не будет, целая улица из маленьких домиков, от которых после бомбежки остались одни руины. Тем не менее никто здесь не остановит Флик, не потребует у нее документы, не бросит ее в тюрьму, не станет пытаться ее, чтобы получить информацию, и не отправит потом в вагоне для скота в лагерь, где она будет умирать от голода. Чувствуя, как

напряжение от нелегальной жизни постепенно из нее выходит, Флик привалилась к спинке сиденья и закрыла глаза.

Когда она проснулась, машина уже свернула на Бейкер-стрит и проехала мимо дома номер 64 – личный состав не допускался в штаб-квартиру, чтобы во время допроса не выдать ее секреты. И действительно, многие не знали этот адрес. Въехав на Портман-сквер, машина остановилась возле жилого здания на Орчард-корт. Водитель выскочила наружу, чтобы открыть дверь.

Войдя в здание, Флик прошла в квартиру, занимаемую УСО. Когда она увидела Перси Твейта, ее настроение повысилось. Лысеющий пятидесятилетний мужчина с усами, напоминающими зубную щетку, относился к Флик по-отечески. Он был в гражданской одежде, никаких военных приветствий, к которым в УСО относились с пренебрежением.

– Судя по вашему лицу, все кончилось плохо, – сказал Перси.

Его сочувственный тон окончательно добил Флик. Происшедшая трагедия внезапно вновь на нее нахлынула, и она разрыдалась. Обняв ее, Перси похлопал Флик по спине. Она уткнулась лицом в его старый твидовый пиджак.

– Ладно-ладно! – сказал он. – Я уверен, что вы сделали все, что могли.

– О Господи, мне так неприятно, что я веду себя совсем по-женски!

– Если бы все мужчины так себя вели! – ответил Перси.

Отстранившись, Флик вытерла глаза рукавом.

– Не обращайтесь внимания.

Отвернувшись, он высморкался в большой платок.

– Чай или виски? – спросил Перси.

– Лучше чаю. – Флик огляделась по сторонам. Комната была заставлена убогой мебелью, спешно привезенной сюда в 1940 году и с тех пор так здесь и оставшейся: дешевый письменный стол, потертый ковер, разнородные стулья. Флик опустила в расшатанное кресло. – Если я выпью спиртного, то сразу усну.

Она смотрела, как Перси prepares чай. Перси умел быть жестким, а мог проявить сочувствие. Неоднократно награжденный в Первую мировую войну, в двадцатые годы он стал боевым профсоюзным организатором, участвовавшим в 1936 году в Битве на Кейбл-стрит, когда кокни¹³ атаковали фашистов, пытавшихся пройти маршем через еврейский пригород в Ист-Энде. Он будет задавать вопросы относительно ее плана, но отнесется к нему непредвзято.

Перси подал ей кружку чая с молоком и сахаром.

– Сегодня утром будет совещание, – сказал он. – Мне нужно до полудня представить шефу справку. Так что нам нужно спешить.

Отхлебнув сладкого чая, Флик ощутила приятный прилив энергии. Она рассказала о том, что произошло на площади Сан-Сесилия. Сидя за столом, Перси остро отточенным карандашом делал пометки.

– Нужно было отложить операцию, – закончила она. – Основываясь на сомнениях Антуанетты по поводу разведывательных данных, нужно было отложить рейд и направить вам радиogramму насчет того, что у противника численное превосходство.

Перси печально покачал головой:

– Откладывать сейчас ничего нельзя. Вторжение состоится уже на днях. Если бы вы меня запросили, то сомневаюсь, что это что-либо изменило. Что мы могли сделать? Мы же не могли направить вам еще людей. Думаю, мы приказали бы вам все равно атаковать. Нужно было попытаться. Этот телефонный узел имеет слишком важное значение.

¹³ В данном случае – лондонские рабочие из Ист-Энда.

– Что ж, это немного утешает. – Флик была рада, что Альбер умер не из-за ее тактической ошибки. Впрочем, это его не вернет.

– А с Мишелем все в порядке? – спросил Перси.

– Расстроен, но выздоравливает. – Когда Флик поступала на службу в УСО, то не сообщила, что ее муж участвует в движении Сопротивления. Если бы это стало известно, ее могли бы направить на другую работу. На самом деле она и сама в точности этого не знала, хотя и догадывалась. В мае 1940 года она находилась в Англии, куда приехала, чтобы навещать свою мать, а Мишель был в армии, как и большинство годных к военной службе французов, так что падение Франции застало их в разных странах. К тому времени, когда Флик вернулась во Францию для нелегальной работы и точно узнала, какую роль играет ее муж, на ее подготовку было затрачено слишком много усилий, она уже была слишком полезным сотрудником УСО, чтобы ее можно было уволить в связи с гипотетическими эмоциональными переживаниями.

– Никому не понравится, когда тебе всадят пулю пониже спины, – задумчиво сказал Перси. – Люди подумают, что ты убежал. – Он встал. – Ну, теперь вам лучше отправиться домой и немного поспать.

– Не сейчас, – сказала Флик. – Сначала мне хотелось бы выяснить, что мы будем делать дальше.

– Я собираюсь писать этот отчет...

– Нет, я имею в виду тот телефонный узел. Если это так важно, мы просто должны его уничтожить.

Он снова сел и посмотрел на нее проницательным взглядом.

– Что у вас на уме?

Она достала из сумочки пропуск Антуанетты и бросила его на стол.

– Это прекрасный способ проникнуть внутрь. Он используется уборщицами, которые каждый вечер приходят туда в семь часов.

Взяв в руки пропуск, Перси внимательно его рассмотрел.

– Умная девочка, – сказал он, и в его голосе прозвучало что-то вроде восхищения. – Продолжайте.

– Я хочу вернуться.

На лице Перси отразилось недовольство, и Флик поняла, что он не хочет снова рисковать ее жизнью. Тем не менее он ничего не сказал.

– На этот раз я возьму с собой полноценную команду, – продолжала она. – У всех будет такой же пропуск. Чтобы проникнуть в шато, мы заменим собой уборщиц.

– Но, как я понимаю, это все женщины!

– Да. Мне нужна полностью женская группа.

Он кивнул:

– Здесь немногие будут против этого возражать – вы, девушки, хорошо себя зарекомендовали. Но где вы найдете столько женщин? Практически все подготовленные люди сейчас уже там.

– Получите одобрение моему плану, и я найду вам женщин. Я возьму тех, кого отвергло УСО, людей, которые не прошли курс подготовки – любых. У нас должны быть дела на людей, которых отчислили по тем или иным причинам.

– Да – из-за того, что они оказались физически непригодными, из-за того, что не смогли удержать язык за зубами, из-за того, что им слишком нравилось насилие, или из-за того, что они труслили при парашютной подготовке и отказались выпрыгивать из самолета.

– Их второсортность не имеет значения, – доказывала Флик. – С этим я справлюсь. – Где-то в глубине сознания ехидный голос спросил: *Что, правда?* Но Флик его проигнориро-

вала. – Если вторжение провалится, мы потеряем Европу. Повторить эту попытку мы сможем только через несколько лет. Это поворотный пункт, нужно все бросить на врага.

– А разве вы не можете использовать французов, которые уже находятся там – бойцов Сопротивления?

Флик уже обдумала эту мысль и отвергла ее. – Если бы у меня было несколько недель, я могла бы сколотить группу женщин из нескольких ячеек Сопротивления, но... Потребуется слишком много времени на то, чтобы найти их и доставить в Реймс.

– Может, это все-таки удастся.

– И затем мы должны изготовить для каждой поддельный пропуск с фотографией. Там это трудно организовать. Здесь мы сможем сделать это за день или два.

– Это не так уж легко. – Перси поднес пропуск Антуанетты к свету свисавшей с потолка лампочки без абажура. – Но вы правы – наши люди в том отделе могут творить чудеса. – Он положил пропуск на стол. – Хорошо. Пусть будут те, кого отвергло УСО.

Флик охватило чувство триумфа. Он готов ее поддержать!

– Ну допустим, что вы найдете достаточно девушек, говорящих по-французски. А как насчет немцев-охранников? Разве они не знают уборщиц в лицо?

– Вероятно, они там работают не каждый вечер – у них должны быть выходные. А мужчины никогда не обращают внимания на тех, кто за ними убирает.

– Не уверен. Обычно солдаты – это сексуально озабоченные юнцы, которые обращают пристальное внимание на всех женщин, с которыми контактируют. Мне кажется, эти люди в шато как минимум флиртуют с теми, кто помоложе.

– Вчера вечером я видела, как эти женщины входят в шато, и не заметила никаких признаков флирта.

– Тем не менее вы не можете быть уверены, что охрана не заметит появление совершенно незнакомой бригады.

– Я не могу судить наверняка, но я совершенно уверена, что нужно попытаться.

– Ладно, а как насчет французов внутри? Телефонистки ведь местные, не так ли?

– Некоторые местные, а некоторых привозят на автобусе из Реймса.

– Не все французы любят Сопротивление – мы оба это знаем. Есть и такие, кто одобряет нацистские идеи. Боже мой, даже в Британии было полно идиотов, считавших, что Гитлер обещает установить сильное правительство для проведения модернизации, в чем мы все нуждаемся. Правда, в последнее время об этих людях что-то не слышно.

Флик покачала головой. Перси не был в оккупированной Франции.

– Не забывайте, что французы прожили четыре года под властью нацистов. Там все с нетерпением ждут вторжения. Девушки с коммутатора будут помалкивать.

– Несмотря на то что королевские ВВС их бомбят?

Флик пожала плечами:

– Могут попасться и враждебно настроенные, но большинство их удержит под контролем.

– Одной надежды тут недостаточно.

– Опять-таки я считаю, что здесь стоит рискнуть.

– Вы до сих пор не знаете, насколько серьезно охраняется этот вход в подвал.

– Вчера это нас не остановило.

– Вчера у вас было пятнадцать бойцов Сопротивления, в том числе несколько ветеранов. В следующий раз у вас будет небольшая группа из отсева.

Флик пустила в ход козырную карту:

– Послушайте, все может закончиться плохо, но что из того? Операция почти ничего не стоит, и мы рискуем жизнями людей, которые в любом случае не участвуют в военных действиях. Что нам терять?

– Я тоже об этом подумал. Послушайте, мне нравится ваш план. Я изложу его шефу. Но думаю, что он его отвергнет – по причинам, которые мы еще не обсуждали.

– По каким?

– Никто, кроме вас, не сможет возглавить эту группу. Но та поездка, из которой вы только что вернулись, должна быть последней. Вы слишком много знаете. Вы два года мотались туда-сюда и вступали в контакт с большинством групп Сопротивления в Северной Франции. Мы не можем отправить вас обратно. Если вас схватят, вы можете всех выдать.

– Я знаю, – мрачно сказала Флик. – Именно поэтому я ношу с собой капсулу с ядом.

Глава восьмая

Генерал сэр Бернард Монтгомери, командующий 21-й армейской группой, которая должна была высадиться во Франции, устроил себе импровизированную штаб-квартиру на западе Лондона, в школе, ученики которой в целях безопасности были эвакуированы. По случайному совпадению именно в этой школе Монти¹⁴ учился в детстве. Совещания проводились в спортзале, и все сидели на твердых деревянных скамейках – генералы, политики, а в одном легендарном случае даже и сам король.

Британцы считали, что это очень мило. Пол Чэнселлор из Бостона, штат Массачусетс, считал, что это полный идиотизм. Что им стоит принести сюда несколько стульев? В общем и целом британцы ему нравились, но не в тех случаях, когда они демонстрировали свою эксцентричность.

Пол входил в личный штаб Монти. Многие считали, что такую честь он заслужил благодаря отцу-генералу, но это было неверное предположение. Пол действительно неплохо чувствовал себя в обществе старших офицеров – отчасти благодаря отцу, но также и потому, что до войны Армия США была крупнейшим потребителем его продукции

(а его фирма производила учебные граммофонные записи, главным образом с курсами обучения иностранным языкам). Ему нравились в военных такие качества, как дисциплина, аккуратность и пунктуальность, но у него была и своя голова на плечах, и Монти полагался на нее все больше и больше.

Пол отвечал за разведку. Он был неплохим организатором, поставив дело так, что нужные Монти отчеты оказывались у него на столе в нужное время, наказывал тех, кто опаздывал, собирал совещания с ключевыми фигурами и от имени шефа подавал дополнительные запросы.

Он лично располагал опытом подпольной работы. В свое время он служил в американской разведке, Управлении стратегических служб, и находился на нелегальной работе во Франции и франкоговорящей Северной Африке (ребенком он жил в Париже, где его отец служил военным атташе в американском посольстве). Шесть месяцев назад Пол был ранен в перестрелке с гестапо в Марселе. Пуля оторвала большую часть левого уха, но от нее пострадала только его внешность. А вот вторая пуля раздробила правое колено, которое уже никогда не придет в норму, и именно по этой причине Полу пришлось перейти на канцелярскую работу.

По сравнению с опасной деятельностью на оккупированных территориях эта работа была легкой, но отнюдь не скучной. Они планировали операцию «Оверлорд», которая должна была положить конец войне. Пол был одним из всего нескольких человек, которые знали дату высадки, – правда, гораздо больше людей могли об этом догадываться. Собственно, возможных дат было три – в зависимости от приливов, морских течений, фаз луны и продолжительности светового дня. Для вторжения требовался день, когда луна поздно восходит, так как первые передвижения армии должны происходить под покровом темноты, но потом нужен лунный свет, когда первые парашютисты начнут прыгать с самолетов и планеров. Отлив на рассвете был нужен для того, чтобы разглядеть препятствия, которые Ромель расположил на побережье. Другой отлив, перед наступлением темноты, требовался для высадки войск второго эшелона. Все эти требования оставляли лишь узкое окно: флот мог отправляться в следующий понедельник, 5 июня, либо в следующий вторник или среду. Окончательное решение должно было быть принято в последнюю минуту (в зависимости от погоды) Верховным главнокомандующим союзников генералом Эйзенхауэром.

¹⁴ Прозвище генерала Монтгомери.

Три года назад Пол отчаянно стремился бы занять место в силах вторжения. Его одолевала бы жажда действий, положение домоседа его бы смущало. Теперь он стал старше и мудрее. Он уже выполнил свой долг: в школе он был капитаном команды, выигравшей чемпионат Массачусетса, но теперь он уже никогда не ударит по мячу правой ногой. Что еще важнее, он понимал, что его организационные таланты на войне важнее, чем умение метко стрелять.

Он был чрезвычайно рад тому, что входит в состав команды, планирующей крупнейшую за всю историю десантную операцию. Разумеется, он испытывал и беспокойство. Боевые действия никогда не разворачиваются в соответствии с планом (хотя Монти – и в этом его слабое место – считает, что у него получается по-другому). Пол знал, что любая его ошибка – описка, пропущенная деталь, не проверенное дважды разведсообщение – приведет к гибели солдат союзников. Несмотря на громадную численность сил вторжения, боевые действия могут развернуться по-разному, причем малейшая ошибка может изменить баланс.

Сегодня на десять утра было назначено пятнадцатиминутное совещание, посвященное французскому Сопротивлению. Это была идея Монти, который придавал деталям исключительное значение. По его мнению, чтобы выиграть сражение, надо не ввязываться в него до тех пор, пока не будут сделаны все необходимые приготовления.

Без пяти десять в зал вошел Саймон Фортескью – один из руководителей МИ-6, секретной разведывательной службы. Этот высокий мужчина в костюме в полоску держался весьма уверенно, но Пол сомневался, что он действительно разбирается в вопросах нелегальной работы. За ним вошел Джон Грейвс, нервного вида государственный служащий министерства экономической войны – правительственного учреждения, курировавшего работу УСО. На Грейвсе была обычная форма чиновника с Уайтхолла – черный пиджак и серые брюки в полоску. Пол нахмурился – Грейвса он не приглашал.

– Мистер Грейвс! – резко сказал он. – Я не знал, что вас к нам приглашали.

– Через секунду я все объясню, – сказал Грейвс. С озабоченным видом он уселся на школьную скамью и раскрыл портфель.

Пол был раздражен – Монти не терпел сюрпризов. Тем не менее Пол не мог просто так вышвырнуть Грейвса из помещения.

Через мгновение туда вошел Монти. Это был маленький человек с острым носом и редкими волосами. Лицо с коротко подстриженными усами было изборозжено глубокими морщинами. Ему было пятьдесят шесть лет, но выглядел он старше. Полу он нравился. Монти был настолько педантичен, что некоторых людей это раздражало и они называли его «старухой». Но Пол считал, что подобная дотошность как раз и спасает человеческие жизни.

Вместе с Монти вошел американец, которого Пол не знал. Монти представил его как генерала Пикфорда.

– Где этот парень из УСО? – глядя на Пола, резко спросил Монти.

– Боюсь, что его вызвали к премьер-министру, – ответил Грейвс. – Он шлет свои глубокие извинения. Надеюсь, я смогу быть вам полезным...

– Я в этом сомневаюсь, – холодно заметил Монти.

Пол внутренне застонал. Это прокол, в котором обвинят именно его. Однако здесь было кое-что еще – британцы играли в какую-то игру, смысла которой он не понимал. Он внимательно смотрел на присутствующих, пытаясь уловить хоть какие-то намеки.

– Уверен, что смогу заполнить пробелы, – спокойно сказал Саймон Фортескью.

Монти казался взбешенным – он обещал генералу Пикфорду брифинг, и вот ключевая фигура отсутствует. Тем не менее он не стал терять время на упреки.

– В предстоящей битве, – без дальнейших предисловий заговорил он, – самый опасный момент нас ожидает вначале. – Странно, что он говорит об опасных моментах, подумал Пол. Обычно у него выходит так, словно все будет происходить с точностью часового меха-

низма. – В течение дня мы будем висеть на скале, держась за нее кончиками пальцев. – Или двух дней, подумал про себя Пол. Или недели. Или даже больше. – Противнику это предоставляет прекрасные возможности. Ему нужно будет лишь прищемить нам пальцы каблуком.

Как просто, подумал Пол. Операция «Оверлорд» была крупнейшей за всю историю человечества: тысячи кораблей, сотни тысяч военнослужащих, миллионы долларов, десятки миллионов патронов. От ее исхода зависит будущее мира. Тем не менее все эти силы можно легко нейтрализовать, если в первые несколько часов дела пойдут плохо.

– Все, что мы сможем сделать, чтобы замедлить ответные действия противника, будет иметь решающее значение, – закончил Монти и посмотрел на Грейвса.

– Ну, УСО, а именно секция Ф, располагает во Франции более чем сотней агентов – собственно, там находятся практически все наши люди, – начал Грейвс. – И за ними, естественно, стоят тысячи бойцов французского Сопротивления. За последние недели мы сбросили им многие сотни тонн оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Вот ответ бюрократа, подумал Пол; он ухитрился сказать обо всем и одновременно ни о чем. Грейвс собирался продолжить, но Монти прервал его, задав ключевой вопрос:

– Насколько это будет эффективно?

Государственный служащий замялся, вместо него поспешил высказаться Фортескью.

– Мои ожидания весьма скромные, – сказал он. – Деятельность УСО дает весьма нестабильные результаты.

Пол понимал, что здесь существует свой подтекст. «Старые» профессиональные разведчики из МИ-6 ненавидели новичков из УСО с их залихватским стилем. Когда силы Сопротивления атаковали немецкие объекты, гестапо сразу же активизировало свою деятельность, из-за чего в руки гестаповцев иногда попадали люди из МИ-6. Здесь Пол был на стороне УСО – война и заключается в том, чтобы наносить удары по врагу.

Похоже, это какая-то игра. Бюрократическая свара между МИ-6 и УСО.

– Каковы же *конкретные* основания для вашего пессимизма? – спросил Монти.

– Возьмем хотя бы вчерашнее фиаско, – тут же ответил Фортескью. – Когда группа Сопротивления под командованием офицера УСО атаковала телефонный узел возле Реймса.

– Думаю, наша задача состоит не в том, чтобы атаковать телефонные узлы – мы сами сможем их использовать, если вторжение будет успешным, – впервые заговорил генерал Пикфорд.

– Вы совершенно правы, – сказал Монти. – Однако для Сан-Сесилия мы сделали исключение. Это узел доступа для новой кабельной трассы в Германию. Через это здание проходит большая часть телефонного трафика между Верховным командованием в Берлине и немецкими силами во Франции. Его уничтожение не нанесет нам большого вреда – мы ведь не собираемся звонить в Германию, – но нарушит вражеские коммуникации.

– Они переключатся на беспроводную связь, – сказал Пикфорд.

– Именно так, – сказал Монти. – И тогда мы сможем читать их сообщения.

– Благодаря нашим шифровальщикам в Блетчли, – вставил Фортескью.

Пол был в числе тех немногих, кто знал, что британская разведка вскрыла немецкие коды и может читать многие вражеские радиосообщения. МИ-6 очень этим гордилась, хотя, по правде говоря, она была особенно ни при чем – всю работу проделала временная группа математиков и любителей кроссвордов, многие из которых в обычное время были бы сразу арестованы, как только попали в штаб-квартиру МИ-6. Сэр Стюарт Мензис, глава МИ-6 и любитель верховой охоты на лис, ненавидел интеллигентов, коммунистов и гомосексуалистов, в то время как Алан Тьюринг, математик, возглавлявший группу дешифровки, был сразу и тем, и другим, и третьим.

Тем не менее Пикфорд был прав: если немцы не смогут пользоваться телефонными линиями, им придется использовать радио, и тогда союзники будут знать, о чем они говорят. Уничтожение телефонного узла в Сан-Сесиле дало бы союзникам решающее преимущество.

И все-таки операция закончилась неудачей.

– Кто там был старшим? – спросил Монти.

– Я еще не видел полного отчета... – начал Грейвс.

– Могу вам это сказать, – вмешался Фортескью. – Майор Клэре. – Он сделал паузу. – Девушка.

Пол слышал о Фелисити Клэре. Среди узкого круга людей, посвященных в секреты тайной войны союзников, ее имя стало почти легендарным. Она провела во Франции на нелегальном положении дольше, чем кто-либо другой. Ее кодовое имя было «Пантера», и говорили, что она передвигается по улицам оккупированных городов так же бесшумно, как и эта опасная кошка. Также говорили, что это хорошенькая девушка с каменным сердцем – она убила уже не одного врага.

– И что же случилось? – спросил Монти.

– Плохое планирование, неопытный командир и слабая дисциплина – все это сыграло свою роль, – ответил Фортескью. – Здание слабо охранялось, но у немцев солдаты были хорошо подготовлены, и они просто истребили бойцов Сопротивления.

Монти был взбешен.

– Похоже, в деле разрушения линий снабжения Роммеля мы не должны слишком полагаться на французское Сопротивление.

Фортескью кивнул:

– Бомбардировки в этом деле надежнее.

– Думаю, что это не совсем справедливо, – слабо запротестовал Грейвс. – У бомбардировщиков тоже есть минусы. А УСО обходится гораздо дешевле.

– Боже мой, мы здесь не ради справедливости! – проворчал Монти. – Мы просто хотим выиграть эту войну. – Он встал. – Думаю, мы выслушали вполне достаточно, – сказал он генералу Пикфорду.

– Так что нам делать с телефонным узлом? – спросил Грейвс. – УСО разработало новый план...

– Господи! – прервал его Фортескью. – Разве нам нужен еще один провал?

– Разбомбите его, – сказал Монти.

– Мы уже пробовали, – сказал Грейвс. – Бомбы попадают в здание, но ущерб недостаточен, чтобы вывести из строя телефонный узел дольше, чем на несколько часов.

– Тогда бомбите снова, – сказал Монти и вышел из помещения.

Грейвс бросил на представителя МИ-6 взгляд, полный бешенства.

– В самом деле, Фортескью! – сказал он. – Я имею в виду – *в самом деле!*

Фортескью ничего не ответил.

Все вышли из помещения. Снаружи в коридоре их ожидали двое – мужчина лет пятидесяти в твидовом пиджаке и невысокая светловолосая женщина в поношенном синем кардигане¹⁵ поверх выцветшего хлопчатобумажного платья. Стоя перед витриной со спортивными трофеями, они сильно напоминали директора школы, беседующего с ученицей, – разве что у школьницы на шее красовался ярко-желтый шарф, повязанный, по мнению Пола, с истинно французской элегантностью. Фортескью поспешно прошел мимо них, а Грейвс остановился.

– Они от вас отказались, – сказал он. – Они собираются снова бомбить.

Пол догадался, что женщина и есть Пантера, и посмотрел на нее с интересом. Она была маленькая и стройная, с коротко стриженными выющимися светлыми волосами и, как

¹⁵ Вязаный шерстяной жакет с длинными рукавами без воротника; назван по имени графа Кардигана, 1797–1868.

заметил Пол, с прекрасными зелеными глазами. Он не назвал бы ее хорошенькой – для этого ее лицо было слишком взрослым. Первоначальное представление о школьнице сразу исчезло – прямой нос и точеный подбородок выглядели для этого слишком агрессивно. Кроме того, в ней было нечто сексуальное, нечто такое, что заставляло Пола гадать, как выглядит это стройное тело, скрытое под убогим платьем.

Заявление Грейвса вызвало у нее возмущение.

– Нет смысла бомбить этот объект с воздуха, подвал ведь укреплен. Господи, с чего это они так решили?

– Возможно, вам стоит спросить вот этого джентльмена, – сказал Грейвс, поворачиваясь к Полу. – Старший советник, познакомьтесь с майором Клэре и полковником Твейтом.

Полу вовсе не улыбалось защищать чужое решение. Захваченный врасплох, он ответил с недипломатичной откровенностью.

– Не вижу, что тут объяснять, – отрывисто сказал он. – Вы провалились, и вам просто не дали второго шанса.

Женщина посмотрела на него с возмущением – она была ниже его сантиметров на тридцать – и со злостью спросила:

– Провалились? Что, черт возьми, вы хотите этим сказать?

Пол почувствовал, что краснеет.

– Возможно, генерала Монтгомери дезинформировали, но разве вы не впервые командовали подобной операцией, майор?

– Вам так сказали? Что причиной стала моя неопытность?

Она все же красива – теперь он это видел. От гнева ее глаза расширились, а щеки покраснели. Но она повела себя слишком грубо, и он решил открыть огонь из всех орудий.

– Это и еще плохое планирование...

– В этом плане все было правильно!

– ... а также тот факт, что хорошо подготовленные силы защищали объект от недисциплинированных бойцов.

– Да вы просто невежественная свинья!

Пол невольно отступил назад. Так разговаривать с женщинами ему еще не приходилось. Пусть в ней нет и ста пятидесяти сантиметров, но готов поспорить, что нацисты ее боятся. Глядя на ее взбешенное лицо, он вдруг понял, что больше всего она злится на себя.

– Вы считаете, что это ваша вина, – сказал он. – Никто так не бесится из-за чужих ошибок.

Теперь уже он застал ее врасплох. Челюсть у нее отвисла, сама она словно онемела.

– Ради Бога, успокойтесь, Флик, – впервые заговорил полковник Твейт. – Дайте я угадаю, – повернувшись к Полу, продолжал он, – вам сказал об этом Саймон Фортескью из МИ-6, не так ли?

– Это так, – неохотно признал Пол.

– А он не упомянул, что план атаки базировался на разведанных, поступивших из его организации?

– Не помню.

– А я думаю, что не упомянул, – сказал Твейт. – Спасибо, майор, я больше не хочу вас беспокоить.

Пол не считал, что разговор окончен, но старший по званию посылал его прочь, и ему ничего не оставалось, как подчиниться.

Он явно оказался под перекрестным огнем в ведомственной схватке между МИ-6 и УСО. Больше всего он злился на Фортескью, который использовал совещание, чтобы набрать очки. Правильно ли сделал Монти, решив бомбить телефонный узел, вместо того чтобы дать УСО еще один шанс? Теперь Пол не был в этом уверен.

Перед тем как зайти в свой кабинет, он оглянулся. Майор Клэре все еще спорила с полковником Твейтом – тихим голосом, но лицо ее было оживленным, широкие жесты выражали ярость. Поза у нее была мужская – рука на бедре, тело наклонено вперед, указательный палец она угрожающе выставила перед собой, – и вместе с тем в этом было нечто очаровательное. Пол подумал о том, каково было бы держать ее в объятиях и водить руками по ее маленькому телу. Хотя она и крутая, думал он, но все-таки женщина.

Но вот права ли она? Действительно ли бомбить этот объект бессмысленно?

Он решил задать еще несколько вопросов.

Глава девятая

Закопченная громада кафедрального собора нависала над центром Реймса словно божественный упрек. В полдень небесно-голубая «испано-сюиза» Дитера Франка остановилась возле гостиницы «Франкфурт», реквизированной немецкими оккупантами. Выйдя из машины, Дитер посмотрел вверх, на две приземистые башни колоссальной церкви. Традиционный средневековый дизайн требовал наличия элегантных шпилей, которые из-за нехватки средств так и не были построены. Вот так мирские препятствия разрушают самые благочестивые надежды.

Дитер велел лейтенанту Гессе вести машину в Сан-Сесиль и убедиться, что гестапо готово к сотрудничеству. Ему не хотелось второй раз наталкиваться на отказ со стороны майора Вебера. Когда Гессе уехал, он поднялся в номер, в котором прошлым вечером оставил Стефанию.

Когда Дитер вошел, она встала с кресла. То, что он увидел, доставило ему большое удовольствие. Рыжие волосы Стефании падали на голые плечи, каштановый пеньюар дополняли туфли на высоких каблуках. Жадно ее поцеловав, Дитер провел руками по стройному телу Стефании, благодарный судьбе за ее красоту.

– Как замечательно, что ты так рад меня видеть, – с улыбкой сказала она. Как всегда, между собой они говорили по-французски.

Дитер вдохнул ее аромат.

– Ну, ты пахнешь лучше, чем Ганс Гессе, особенно когда он всю ночь не спит.

Мягкой рукой она откинула назад его волосы.

– Ты всегда шутишь. Но Ганса ты не прикрывал собственным телом.

– Это точно. – Вздохнув, он отпустил ее. – Боже, как я устал!

– Пойдем в постель.

Он покачал головой:

– Мне нужно допросить заключенных. Гессе вернется за мной через час. – Он тяжело опустился на кушетку.

– Я распоряжусь, чтобы тебе дали что-нибудь поесть. – Она нажала кнопку звонка, и через минуту в дверь постучал пожилой официант-француз. Стефания знала Дитера достаточно хорошо, чтобы сама сделать заказ. Она велела принести тарелку ветчины с горячими булочками и салат из помидоров. – Вина? – спросила она.

– Нет – от него я засну.

– Тогда кружку кофе, – сказала она официанту. Когда тот ушел, она села на кушетку рядом с Дитером и взяла его за руку. – Все прошло по плану?

– Роммель был со мной вполне приветлив. – Он озабоченно нахмурился. – Лишь бы мне удалось выполнить те обещания, которые я ему дал.

– Уверена, что ты справишься. – Она не спрашивала подробностей, зная, что он расскажет ей столько, сколько захочет, и не более того.

Он посмотрел на нее с нежностью, не зная, сказать ли то, что было у него на уме. Это может испортить приятную атмосферу – и все же это нужно сказать.

– Если вторжение будет успешным и союзники вернут Францию, для нас с тобой все будет кончено, и ты это знаешь.

Она поморщилась, как от внезапной боли, и отпустила его руку.

– Разве?

Он знал, что ее муж убит на войне, а детей у них не было.

– У тебя есть хоть какие-то родственники? – спросил он.

– Родители умерли много лет назад. У меня есть сестра в Монреале.

– Наверное, стоит подумать, как отправить тебя туда.

Она покачала головой:

– Нет.

– Почему?

Она не смотрела ему в глаза.

– Я просто хочу, чтобы война закончилась, – пробормотала она.

– Нет, не хочешь.

Она продемонстрировала редкую вспышку раздражения.

– Конечно, хочу!

– Для тебя это несколько странно, – с легкой насмешкой сказал он.

– Ты ведь не думаешь, что война – это хорошо?

– Если бы не война, мы бы с тобой не встретились.

– Но ведь она приносит такие страдания!

– Я экзистенциалист. Война дает людям возможность стать такими, какие они есть в действительности: садисты превращаются в мучителей, психопаты – в бравых фронтовиков, головорезы и их жертвы получают возможность играть свои роли по полной программе, а шлюхи всегда заняты делом.

Она бросила на него сердитый взгляд.

– Мне предельно ясно дали понять, какую роль играю я. Он погладил ее по нежной щеке и кончиком пальца коснулся губ.

– Ты куртизанка – причем очень хорошая.

Она отодвинула голову.

– Ты все это говоришь несерьезно. Ты импровизируешь – словно сидишь за пианино.

Он улыбнулся и кивнул – к ужасу своего отца, он немного умел играть джаз. Аналогия была точной. Вместо того чтобы выражать твердые убеждения, он экспериментировал с идеями.

– Может, ты и права.

Гнев Стефании сразу испарился, она стала печальной.

– Ты всерьез говорил о том, что мы расстанемся, если немцы уйдут из Франции?

Он обнял ее за плечи и притянул к себе. Расслабившись, она положила голову ему на грудь. Поцеловав в голову, он погладил ее по волосам.

– Этого не случится, – сказал он.

– Ты уверен?

– Я это гарантирую.

Второй раз за день он давал обещание, которое, возможно, не смог бы выполнить.

В этот момент официант принес еду, и разговор прервался. Дитер слишком устал, чтобы испытывать сильное чувство голода, но он все же съел несколько ложек и выпил весь кофе. Затем он умылся и побрился, после чего сразу почувствовал себя лучше. Когда он застегивал чистую форменную рубашку, в дверь постучал лейтенант Гессе. Поцеловав Стефанию, Дитер вышел из номера.

Машина объехала улицу, движение по которой было перекрыто – ночью опять бомбили, и возле вокзала было разрушено несколько домов. Выехав из города, они направились в Сан-Сесиль.

Дитер сказал Роммелю, что допрос заключенных *может* дать ему возможность нанести ущерб Сопротивлению перед вторжением, однако Роммель, как и любой военачальник, принял возможность за обещание и теперь будет ждать результатов. К несчастью, любой допрос ничего не гарантировал. Умные заключенные рассказывали сказки, которые было невозможно проверить. Некоторым удавалось покончить жизнь самоубийством до того, как пытки становились невыносимыми. Если в этой группе Сопротивления конспирация была

на высоте, каждый знал о других лишь самый минимум и не располагал ценной информацией. Что хуже всего, коварные союзники могли скормить им фальшивую информацию, с тем чтобы, когда они сломаются под пытками, подпольщики внесли свой вклад в заранее разработанный план по дезинформации.

Дитер начал психологическую подготовку. Он должен быть совершенно бездушным и расчетливым. Он не должен позволить, чтобы его тронули физические и душевные страдания, которые он должен причинить этим людям. Значение имело лишь то, даст ли это результат. Закрыв глаза, он почувствовал, как его охватывает полное спокойствие, пробирающий до костей холод, который, как он иногда думал, подобен холоду самой смерти.

Машина въехала на территорию шато. Рабочие вставляли стекла в разбитые окна и заделывали отверстия, оставленные гранатами. В вычурно украшенном зале телефонистки что-то бормотали в свои микрофоны. Через отличающиеся идеальными пропорциями помещения Дитер прошествовал в западное крыло здания, за ним следовал Ганс Гессе. По ступенькам они спустились в укрепленный подвал. Часовой у двери отдал честь и даже не попытался остановить Дитера, который был в форме. Найдя дверь с надписью «Допросная», Дитер вошел внутрь.

В передней комнате за столом сидел Вилли Вебер.

– Хайль Гитлер! – рявкнул Дитер и вскинул руку, заставив Вебера встать. Опустившись на стул, Дитер устроился поудобнее и сказал: – Прошу садиться, майор.

Вебер был взбешен из-за того, что ему предлагают сесть в его собственном кабинете, но выбора у него не было.

– Сколько у нас заключенных? – спросил Дитер.

– Трое.

Дитер был разочарован.

– Так мало?

– В бою мы убили восемь человек. Еще двое за ночь умерли от ран.

Дитер разочарованно хмыкнул. Он ведь приказал, чтобы раненых оставили в живых! Тем не менее теперь не было смысла допрашивать Вебера насчет того, как с ними обращались.

– Как я понимаю, двоим удалось скрыться... – продолжал Вебер.

– Да, – сказал Дитер. – Женщине на площади и мужчине, которого она унесла.

– Совершенно верно. Таким образом, из пятнадцати нападавших мы имеем троих заключенных.

– Где они?

У Вебера забегали глаза.

– Двое в камерах.

Дитер прищурил глаза.

– А третий?

Вебер кивнул в сторону внутренней комнаты.

– Третьего сейчас допрашивают.

Дитер с тяжелым чувством встал и открыл дверь. Прямо возле нее виднелась сгорбленная фигура сержанта Беккера, который держал в руке деревянную палку, напоминающую большую полицейскую дубинку. Весь потный, он тяжело дышал, словно выполнял тяжелое физическое упражнение, и пристально смотрел на привязанного к столбу заключенного.

Дитер пригляделся повнимательнее, и его опасения подтвердились. Несмотря на недавно обретенное спокойствие, он скривился от отвращения. Заключенным была молодая женщина, Женестьева, прятавшая под пальто пистолет-пулемет. Она была совершенно обнажена и привязана к столбу веревкой, проходившей под мышками и державшей на весу ее обмякшее тело. Лицо ее так распухло, что она не могла открыть глаз. Кровь, капавшая

изо рта, покрывала подбородок и большую часть груди. Все тело было в синяках. Одна рука висела под странным углом – очевидно, вывернутая из сустава. Волосы на лобке были залиты кровью.

– Что она вам сказала? – спросил у Беккера Дитер.

– Ничего, – смущенно ответил Беккер.

Дитер кивнул, подавляя охвативший его гнев. Именно этого он и ожидал.

Он подошел к женщине поближе.

– Послушайте меня, Женестьева, – сказал он ей по-французски.

Она, казалось, его не слышала.

– Вы хотите сейчас отдохнуть? – снова спросил он.

Никакого ответа.

Он обернулся. На него с вызовом смотрел стоявший в дверях Вебер.

– Вам ясно сказали, что допросы буду проводить я! – с холодным бешенством произнес Дитер.

– Нам приказали предоставить вам доступ, – с самодовольной педантичностью ответил Вебер. – Нам не запретили самим допрашивать заключенных.

– И вы довольны достигнутыми результатами?

Вебер не ответил.

– А что насчет двух других? – сказал Дитер.

– Мы еще не начали их допрашивать.

– Слава Богу, что хоть так. – Тем не менее Дитер был разочарован. Он ожидал, что заключенных будет с полдесятка, а отнюдь не двое. – Ведите меня к ним.

Вебер кивнул Беккеру, который отложил свою дубинку и повел их наружу. В ярко освещенном коридоре Дитер мог видеть, что форма Беккера покрыта пятнами крови.

Вскоре сержант остановился возле двери с глазком. Отодвинув заслонку, он заглянул внутрь.

Это была пустая комната с грязным полом. Из мебели здесь было только стоявшее в углу ведро. На земле сидели двое мужчин. Не разговаривая между собой, они смотрели куда-то в пространство. Дитер внимательно их рассматривал – обоих он уже видел вчера. Старшим был Гастон, который установил заряды. Большой кусок лейкопластыря закрывал рану на голове, которая казалась ненастоящей. Вторым был совсем молодой парнишка, на вид лет семнадцати, и Дитер вспомнил, что его зовут Бертран. На нем не было видно никаких ран, но Дитер, вспомнив, как проходил бой, решил, что тот, возможно, оглушен взрывом ручной гранаты.

Дитер некоторое время молча наблюдал за ними, давая себе время все обдумать. Ему нельзя ошибиться. Он не может позволить себе потерять еще одного из пленных – у него и так осталось всего двое. Мальчишка, видимо, испуган, но может выдержать сильную боль. Второй слишком стар для серьезной пытки и может умереть до того, как сломается, – но он должен быть мягкосердечным. У Дитера начала складываться стратегия допроса.

Закрыв глазок, он вернулся в комнату для допросов. Беккер последовал за ним, снова напоминая глупую, но опасную собаку.

– Сержант Беккер, – приказал Дитер, – отвяжите женщину и поместите ее в камеру с двумя остальными.

– Женщину в мужскую камеру? – запротестовал Вебер.

Дитер скептически посмотрел на него.

– Думаете, она будет этим оскорблена?

Войдя в камеру пыток, Беккер вернулся с изломанным телом Женестьева.

– Пусть старик как следует на нее посмотрит, а потом приведите его сюда, – сказал Дитер.

Беккер ушел.

Надо избавиться от Вебера, решил Дитер. Тем не менее он понимал, что, получив прямой приказ, Вебер будет сопротивляться.

– Думаю, вы должны остаться здесь, чтобы присутствовать при допросе, – сказал он. – Вы сможете многому у меня научиться.

Как он и ожидал, Вебер сделал прямо противоположное.

– Я так не думаю, – сказал он. – Беккер прекрасно сможет меня обо всем проинформировать. – Дитер изобразил на лице возмущение, и Вебер ушел.

Дитер поймал на себе взгляд лейтенанта Гессе, который тихо сидел в углу. Понимая, как ловко Дитер манипулирует Вебером, тот смотрел на него с восхищением. Дитер пожал плечами.

– Иногда это очень легко, – сказал он.

Вскоре Беккер привел к ним Гастона. Старик был бледен – несомненно, вид Женевиёвы произвел на него сильное впечатление.

– Прошу садиться, – по-немецки сказал Дитер. – Хотите закурить?

Гастон посмотрел на него непонимающим взглядом.

Итак, он не знает немецкого языка, и это ценная информация.

Дитер жестом указал ему на стул и предложил сигареты и спички. Гастон взял сигарету и зажег ее трясущимися руками.

Некоторые заключенные ломаются на этой стадии, еще до пыток – просто из страха перед тем, что должно произойти. Дитер надеялся, что так случится и сегодня. Он предложил Гастону альтернативу – или то, что произошло с Женевиёвой, или сигареты и хорошее отношение.

– Я собираюсь задать вам несколько вопросов. – Теперь он заговорил по-французски – вполне дружеским тоном.

– Я ничего не знаю, – сказал Гастон.

– О, думаю, что знаете! – сказал Дитер. – Вам шестьдесят с лишним, и, вероятно, вы всю жизнь прожили в Реймсе или его окрестностях. – Гастон этого не отрицал. – Я понимаю, – продолжал Дитер, – что в качестве меры предосторожности члены ячейки Сопротивления используют кодовые имена и сообщают друг другу минимум личной информации. – Гастон невольно кивнул в знак согласия. – Но вы же знаете большинство этих людей не один десяток лет. На встрече участников Сопротивления человек может называть себя Слоном, Священником или Баклажаном, но вы знаете его в лицо, и вы узнаете в нем почтальона Жан-Пьера, который живет на рю де Парк и тайно посещает по вторникам вдову Мартинё, когда его жена считает, что он играет в шары.

Гастон отвернулся, чтобы не смотреть Дитеру в глаза, и тем самым подтвердил его правоту.

– Я хочу, – продолжал Дитер, – чтобы вы поняли, что вы сами решаете, что здесь должно произойти. Боль или избавление от боли; смертный приговор или отсрочка – все зависит от вашего выбора. – Он с удовлетворением заметил, что Гастон как будто ужаснулся еще больше. – Вы ответите на мои вопросы, – продолжал он. – В конечном счете отвечают все. Нельзя только сказать – когда.

В этот момент человек может сломаться, но с Гастоном этого не произошло.

– Я не могу ничего вам сказать, – тихо, почти шепотом произнес он. Он был испуган, но у него еще оставалось немного мужества, и он не собирался сдаваться без боя.

Дитер пожал плечами. Тогда придется идти сложным путем.

– Возвращайтесь в камеру, – по-немецки сказал он Беккеру. – Разденьте мальчишку догола. Приведите его сюда и привяжите к столбу в соседней комнате.

– Есть! – с готовностью ответил Беккер.

Дитер снова повернулся к Гастону.

– Вы скажете мне имена и клички всех мужчин и женщин, которые были с вами вчера, и всех остальных, которые входят в ячейку Сопротивления. – Гастон покачал головой, но Дитер это проигнорировал. – Я хочу знать адреса всех членов ячейки и всех домов, которые они используют.

Гастон сжал в руке сигарету, молча глядя на ее дымящийся конец.

На самом деле это были не самые важные вопросы. Главной целью Дитера было получить информацию, которая могла привести его к другим ячейкам Сопротивления. Но он не хотел, чтобы Гастон это знал.

Мгновение спустя вернулся Беккер с Бертраном. Раскрыв рот, Гастон смотрел, как голого мальчика через комнату для допросов ведут в камеру пыток.

Дитер встал.

– Присмотри за стариком, – сказал он Гессе и вслед за Беккером прошел в камеру.

Он специально оставил дверь чуть-чуть приоткрытой, чтобы Гастон мог все слышать.

Беккер привязал Бертрана к колонне и, прежде чем Дитер успел вмешаться, ударил его в живот. Это был мощный удар сильного мужчины, издавший чмокающий звук. Молодой человек застонал и начал корчиться в муках.

– Нет, нет, нет! – сказал Дитер. Как он и ожидал, методы Беккера были совершенно ненаучными. Сильный молодой мужчина выдержит избиение неопределенно долгое время. – Сначала нужно сделать так, чтобы он ничего не видел. – Достав из кармана большой хлопчатобумажный платок, он завязал им глаза Бертрану. – Вот так. Теперь каждый удар вызовет ужасный шок, а каждый момент между ударами он будет мучиться в ожидании.

Беккер взял свою деревянную дубинку. Дитер кивнул, и Беккер, взмахнув дубинкой, ударил ею по голове жертвы; ломая кости и кожу, твердое дерево издало звучный треск. Бертран вскрикнул от боли и страха.

– Нет, нет, – снова сказал Дитер. – Никогда не бейте объект по голове. Вы можете выбить челюсть, и он не сможет говорить. Еще хуже, если вы повредите мозг, и тогда все, что он скажет, не будет иметь никакой ценности. – Забрав у Беккера деревянную дубинку, он поставил ее в стойку для зонтиков. Из имевшихся там орудий он выбрал стальной ломик и подал его Беккеру. – Теперь помните, что необходимо причинить объекту нестерпимую боль, не подвергая опасности его жизнь или его способность сказать нам то, что нам нужно знать. Не трогайте жизненно важные органы. Сосредоточьтесь на костных тканях – лодыжках, голених, коленях, пальцах, локтях, плечах, ребрах.

На лице Беккера появилось озабоченное выражение. Обойдя вокруг колонны, он тщательно прицелился и сильно ударил стальным прутом по локтю Бертрана. Мальчик сильно закричал, и Дитер по его крику понял, что это нестерпимая боль.

Беккер, кажется, был очень доволен. «Да простит мне Бог, – подумал Дитер, – что я научил эту тварь эффективнее пытать людей».

Выполняя приказы Дитера, Беккер нанес удары по худым плечам Бертрана, затем по его руке и лодыжке. Между ударами Дитер заставлял Беккера делать паузы, давая время для того, чтобы боль немного уменьшилась, и объект начинал страшиться следующего удара.

Бертран принялся молить о пощаде.

– Пожалуйста, больше не надо! – упрашивал он, охваченный истерикой от боли и страха. Беккер поднял было ломик, но Дитер его остановил. Он хотел, чтобы мольбы продолжались. – Пожалуйста, больше не бейте меня! – плакал Бертран. – Пожалуйста, пожалуйста!

– Часто бывает полезно сломать ногу в начале допроса, – сказал Дитер Беккеру. – Боль достаточно сильная, особенно если сломанную кость еще раз сломать. – Он вытащил кувалду из стойки для зонтиков. – Чуть пониже колена, – сказал он, подавая ее Беккеру. – Как можно сильнее.

Беккер аккуратно прицелился и с силой размахнулся. Лодыжка с треском сломалась. Бертран страшно закричал и потерял сознание. Подняв стоявшее в углу ведро с водой, Беккер плеснул ее Бертрану в лицо. Юноша пришел в себя и снова закричал.

Наконец крики перешли в душераздирающие стоны.

– Что вы хотите? – молил Бертран. – Пожалуйста, скажите, что вам нужно!

Дитер не задавал ему никаких вопросов. Вместо этого он подал Беккеру стальной ломик и указал на сломанную ногу в том месте, где сквозь мышцы выступал неровный белый край кости. Беккер ударил в это место, Бертран закричал и снова потерял сознание.

Дитер решил, что, возможно, этого будет достаточно.

Он вышел в соседнюю комнату. Гастон сидел там, где Дитер его оставил, но теперь это был уже совсем другой человек. Он сидел согнувшись, закрыв лицо руками, и, рыдая, молился Богу. Опустившись перед ним на колени, Дитер отвел руки Гастона от его мокрого лица. Гастон взглянул на него сквозь слезы.

– Только вы можете это остановить, – мягко сказал Дитер.

– Пожалуйста, остановите это, пожалуйста! – прорыдал Гастон.

– Вы будете отвечать на мои вопросы?

Наступила пауза. Бертран снова закричал.

– Да! – выкрикнул Гастон. – Да, да, я скажу вам все, только прекратите!

Дитер громко позвал:

– Сержант Беккер!

– Да, господин майор.

– Пока достаточно.

– Да, господин майор. – В голосе Беккера слышалось разочарование.

Дитер перешел на французский:

– А теперь, Гастон, давайте начнем с руководителя ячейки. Имя и прозвище. Кто он?

Гастон заколебался. Дитер красноречиво посмотрел на открытую дверь в камеру пыток.

– Мишель Клэре, – поспешно сказал Гастон. – Кличка Моне.

Это был прорыв. Самое трудное – это получить первое имя, на остальное не потребуется усилий. Скрывая удовлетворение, Дитер угостил Гастона сигаретой и поднес спичку.

– Где он живет?

– В Реймсе. – Гастон выдохнул дым, теперь он уже дрожал не так сильно. Он назвал адрес возле кафедрального собора.

Дитер кивнул лейтенанту Гессе, который достал блокнот и начал записывать ответы Гастона. Дитер терпеливо расспросил Гастона обо всех участниках штурмовой группы. В некоторых случаях Гастон знал только клички, а двоих мужчин, по его словам, до этого воскресенья он никогда не видел. Дитер ему верил. Неподалеку ожидали двое водителей, которые должны были обеспечить отступление, – молодая женщина по имени Жильберта и мужчина по кличке Маршал. В состав группы, которая называлась ячейкой «Белянже», входили и другие люди.

Дитер спросил об отношениях между членами Сопротивления. Были ли у них любовные связи, в том числе гомосексуальные? Спал ли кто-нибудь из них с чужой женой?

Хотя пытка прекратилась, Бертран продолжал стонать и иногда кричал от боли.

– О нем кто-нибудь позаботится? – вдруг спросил Гастон.

Дитер пожал плечами.

– Пожалуйста, приведите ему врача.

– Хорошо – когда мы закончим нашу беседу.

Гастон рассказал Дитеру, что Мишель и Жильберта были любовниками, несмотря на то что Мишель был женат на Флик, светловолосой девушке с площади.

До сих пор Гастон рассказывал о ячейке, которая была почти уничтожена, так что его рассказ в основном представлял академический интерес. Теперь Дитер перешел к более важным вопросам:

– Когда агенты союзников прибывают в этот район, как они устанавливают контакт?

Об этом никто не должен знать, сказал Гастон. Там был какой-то связник-посредник. Тем не менее кое-что ему известно. Агентов встречала женщина по кличке Буржуазия. Гастон не знал, где она их встречала, но она приводила их к себе домой, а потом отправляла к Мишелю.

С Буржуазией никто не встречался – даже Мишель.

Дитер был расстроен тем, что Гастон так мало знает об этой женщине. Но во всяком случае, теперь он знает о связнике.

– Вы знаете, где она живет?

Гастон кивнул:

– Один из агентов проговорился. У нее дом на рю дю Буа¹⁶. Номер одиннадцать.

Дитер постарался скрыть свое ликование. Это была чрезвычайно важная информация. Противник, возможно, отправит новых агентов, пытаясь восстановить ячейку «Белянже». Дитер сможет перехватить их на явочной квартире.

– А когда им нужно уходить?

Их забирает самолет на поле под кодовым наименованием Шан-де-Пьер. На самом деле это пастбище возле деревни Шатель, сообщил Гастон. Есть еще одна посадочная площадка под кодовым наименованием Шан-д'Ор¹⁷, но он не знает, где она находится.

Дитер спросил Гастона о связи с Лондоном. Кто отдал приказ об атаке на телефонную станцию? Гастон пояснил, что ячейкой командовала Флик – майор Клэре, которая получала приказы из Лондона. Дитер был заинтригован. Женщина-командир? Впрочем, он видел ее под огнем. Она должна быть хорошим руководителем.

В соседней комнате Бертран начал вслух молиться о смерти.

– Прошу вас, – сказал Гастон. – Приведите доктора.

– Только расскажите мне о майоре Клэре, – сказал Дитер. – После этого кто-нибудь сделает Бертрану инъекцию.

– Она очень важная персона, – сказал Гастон, желая предоставить Дитеру информацию, которая его удовлетворит. – Говорят, она дольше всех проработала в подполье. Она объездила всю Северную Францию.

Дитер был ошеломлен.

– Она имеет контакты с различными ячейками?

– Думаю, что да.

Это было необычно – и это означало, что она может стать ценнейшим источником информации о французском Сопротивлении.

– Вчера она скрылась после боя. Как вы думаете, куда она направилась?

– Уверен, что в Лондон, – сказал Гастон. – Чтобы доложить о рейде.

Дитер про себя выругался. Она нужна ему во Франции, где он мог бы схватить ее и допросить. Если он ее поймает, то сможет уничтожить половину французского Сопротивления – как он и обещал Роммелю. Но она была вне его досягаемости.

Он встал.

– Пока что это все, – сказал он. – Ганс, приведи врача к заключенным. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из них сегодня умер – возможно, они еще что-нибудь нам сообщат. После этого отпечатай свои заметки и утром принеси их мне.

¹⁶ Лесная улица (фр.).

¹⁷ Золотое поле (фр.).

- Так точно, господин майор.
- И сделай экземпляр для майора Вебера – но не отдавай, пока я не скажу.
- Понятно.
- Я сам доеду до гостиницы. – И Дитер вышел из помещения.

Головная боль началась, как только он оказался на свежем воздухе. Потирая лоб рукой, он добрался до машины и выехал из деревни, направляясь в Реймс. Отражаясь от дорожного полотна, послеполуденное солнце било ему прямо в глаза. Мигрень часто настигала его после допросов – через час он станет слепым и беспомощным. Нужно добраться до гостиницы, прежде чем приступ достигнет своего пика. Не желая тормозить, он постоянно подавал звуковой сигнал. Рабочие, не спеша возвращавшиеся домой с виноградников, разбегались в разные стороны. Лошади пятились, какая-то телега свалилась в придорожную канаву. Глаза Дитера слезились от боли, к горлу подступала тошнота.

Он сумел доехать до городка, не разбив машину. Сумел добраться до центра. Возле гостиницы «Франкфурт» он не столько припарковал, сколько бросил машину и, с трудом сохраняя твердую походку, поднялся в номер.

Стефания сразу поняла, что произошло. Пока он снимал форменный китель и рубашку, она достала из чемодана полевой медицинский комплект и наполнила шприц смесью морфина. Дитер упал на кровать, и она погрузила иглу в его руку. Боль почти сразу утихла. Стефания легла рядом, поглаживая лицо Дитера кончиками пальцев.

Через несколько мгновений он потерял сознание.

Глава десятая

Флик жила в однокомнатной квартире, находящейся в большом старом доме на Бесуотер. Квартира располагалась на чердаке – при бомбежке, пройдя через крышу, бомба попадет прямо на ее постель. Флик проводила там мало времени, но не из страха перед бомбами, а потому, что ее реальная жизнь проходила в других местах – во Франции, в штаб-квартире УСО или в одном из разбросанных по всей стране учебных центров. В комнате было немного вещей: фотоснимок играющего на гитаре Мишеля, полка с сочинениями Флобера и Мольера на французском языке, акварель с изображением Ниццы, которую она нарисовала в пятнадцатилетнем возрасте. В небольшом шкафу три ящика занимала одежда, один – оружие и боеприпасы.

Чувствуя себя усталой и опустошенной, Флик разделась, легла в постель и принялась листать журнал «Пэрейд». В прошлую среду в бомбардировках Берлина участвовало 1500 самолетов, прочитала она. Это было трудно себе представить. Она попыталась вообразить, на что это должно быть похоже для живущих там рядовых немцев, но все ее фантазии не простирались дальше средневековых картин с изображением ада, где голые люди сгорают заживо в языках пламени. Перевернув страницу, она прочитала глупую историю о второсортных «В-сигаретах», которые выдавали за «Вудбайнз»¹⁸.

Мысленно она все время возвращалась ко вчерашнему провалу. Заново проигрывая бой в своем воображении, она десятки раз представляла себе, как принимает другие решения, вместо поражения ведущие к победе. Но Флик боялась не только поражения, она также страшилась потерять мужа и гадала, нет ли здесь какой-то связи. Плохая жена, плохой руководитель – может, в ее характере есть какой-то серьезный недостаток?

Теперь, когда выдвинутый ею альтернативный план был отвергнут, у нее не было никакой возможности себя реабилитировать. Все эти храбрые люди умерли ни за что.

В конце концов она погрузилась в тяжелый сон. Проснувшись она от того, что кто-то колотит в дверь и зовет: «Флик, к телефону!» Это был голос одной из девушек, живших в квартире этажом ниже.

Часы на книжной полке показывали шесть часов.

– А кто спрашивает? – крикнула Флик.

– Он просто сказал, что звонит с работы.

– Иду! – Она накинула халат. Не зная, сколько сейчас времени – шесть утра или шесть вечера, она выглянула на улицу из своего маленького окна. Предзакатное солнце виднелось над элегантными домами Лэндброк-гроув. Флик сбежала по лестнице к телефону, стоявшему в холле.

– Извините, что разбудил, – сказал голос Перси Твейта.

– Ничего страшного. – Она всегда была рада слышать в трубке голос Перси. Она очень тепло к нему относилась, хотя он посылал ее навстречу опасности. Руководить разведчиками – работа нервная, и некоторые старшие офицеры старались подавить эмоции, бездушно относясь к гибели или захвату своих людей, но Перси никогда этого не делал. Каждую потерю он воспринимал как личную утрату. Именно из-за этого Флик знала, что он никогда не подвергнет ее ненужному риску. Она ему доверяла.

– Вы можете сейчас приехать на Орчард-корт?

Флик предположила, что командование пересмотрело свое отношение к ее плану захвата телефонной станции, и ее сердце наполнилось надеждой.

– Монти передумал?

¹⁸ Другой сорт дешевых сигарет.

– Боюсь, что нет. Но я хочу, чтобы вы кое с кем побеседовали.

Она закусила губу, подавляя свое разочарование.

– Я буду через несколько минут.

Она быстро оделась и на метро добралась до Бейкер-стрит. Перси ждал ее в квартире на Портман-сквер.

– Я нашел радиста. Опыта у него нет, но он прошел подготовку. Завтра я отправляю его в Реймс.

Флик задумчиво посмотрела в окно, чтобы оценить погоду, как всегда делала, когда намечался полет. В целях безопасности шторы у Перси были задернуты, но Флик все равно знала, что погода прекрасная.

– В Реймс? Зачем?

– Сегодня мы ничего не получили от Мишеля. Мне нужно знать, что осталось от ячейки «Белянже».

Флик кивнула. Радист Пьер был членом штурмовой группы. Предположительно он схвачен или убит. Возможно, Мишелю удалось обнаружить передатчик Пьера, но он не умел с ним обращаться и уж точно не знал кодов.

– И в чем тут смысл?

– В последние несколько месяцев мы направили им тонны взрывчатки и боеприпасов. Я хочу, чтобы они пустили их в ход. Телефонная станция – самый важный объект, но не единственный. Даже если никого не осталось, кроме Мишеля и еще двух человек, они все равно смогут взрывать железнодорожные пути, перерезать телефонные провода, снимать часовых – все это бесполезно. Но я не могу ими руководить, если нет связи.

Флик пожала плечами. С ее точки зрения, шато было единственно достойным объектом, все остальное казалось ей мелочью. Впрочем, какая разница?

– Конечно, я его проинструктирую.

Перси внимательно посмотрел на нее и, помедлив, спросил:

– Как там Мишель – не считая ранения?

– Прекрасно. – Флик немного помолчала. Перси пристально смотрел на нее. Она не смогла бы его обмануть, он слишком хорошо ее знал. – Дело в одной девушке, – вздохнув, наконец сказала она.

– Я этого боялся.

– Не знаю, что еще осталось от моего брака, – горько сказала Флик.

– Мне очень жаль.

– Мне бы здорово помогло, если бы я могла сказать себе, что не зря принесла жертву, нанесла мощный удар и облегчила вторжение.

– За последние два года вы сделали гораздо больше других.

– На войне не бывает серебряных медалей.

– Вы правы.

Флик встала. Она была благодарна Перси за проявленное сочувствие, но из-за этого ей сейчас хотелось плакать. – Пожалуй, надо проинструктировать нового радиста.

– Его кличка Вертолет. Он ожидает в кабинете. Боюсь, что умом он не блещет, но парень смелый.

Флик это показалось странным.

– Если он не слишком умный, зачем его посылать? Он может поставить под угрозу остальных.

– Как вы уже говорили – для нас это очень важно. Если вторжение провалится, мы потеряем Европу. Мы должны бросить на врага все, что у нас есть, так как другого шанса у нас не будет.

Флик мрачно кивнула – он противопоставил ей ее собственный довод. Тем не менее он был прав. Разница заключалась лишь в том, что под угрозой могут оказаться жизни людей, включая жизнь Мишеля.

– Хорошо, – сказала она. – Пожалуй, пора этим заняться.

– Он горит желанием вас увидеть.

Флик нахмурилась.

– Горит желанием? Почему?

Перси сухо улыбнулся.

– Идите – сами все увидите.

Из гостиной, где стоял письменный стол Перси, Флик вышла в коридор, и его секретарша, печатавшая что-то на пишущей машинке, направила ее в другую комнату.

У двери Флик немного задержалась. Вот так, сказала она себе: соберись и работай, в надежде, что со временем все забудешь.

Она вошла в кабинет – небольшую комнату с квадратным столом и несколькими разнокалиберными стульями. Вертолет оказался светлокожим парнем лет двадцати двух в твидовом костюме в светло-коричневую, оранжевую и зеленую клетку. За версту было видно, что он англичанин. К счастью, перед тем как он сядет в самолет, его должны переодеть во что-то такое, что не вызовет подозрений в маленьком французском городке. На службе у УСО были французские портные, которые шили для оперативников одежду, которую носят на континенте (потом этой одежде часами придавали убогий и поношенный вид, чтобы она не бросалась в глаза своей новизной). Тем не менее с розовыми щеками и светло-рыжими волосами Вертолета они ничего сделать не могли. Оставалось только надеяться, что гестапо подумает, будто в нем есть капля германской крови.

Когда Флик представилась, он сказал:

– Собственно, мы уже встречались.

– Извините, не помню.

– Вы учились в Оксфорде с моим братом Чарльзом.

– Чарли Стэндиш – ну конечно! – Флик вспомнила еще одного юношу в твиде. Тот был выше и стройнее, чем Вертолет, но, вероятно, не умнее – он так и не получил диплом. Насколько она помнила, Чарли бегло говорил по-французски – у них было кое-что общее.

– Собственно, вы один раз были у нас дома в Глостершире.

Флик вспомнила выходные, проведенные в тридцатые годы в одном деревенском доме, и проживавшую там семью – приятного отца-англичанина и шикарную мать-француженку. У Чарли был младший брат, Брайан, неуклюжий подросток в шортах, страшно гордившийся своим новым фотоаппаратом. Она с ним немного поговорила, и он в нее влюбился.

– Как там Чарли? После окончания университета я его не видела.

– Собственно, он умер. – Брайана внезапно охватила скорбь. – В сорок первом. Собственно, он погиб в этой п-проклятой пустыне.

Флик боялась, что он заплачет. Взяв его руку в свои, она сказала:

– Брайан, мне очень-очень жаль.

– Это очень мило с вашей стороны. – Он тяжело сглотнул и с видимым усилием взял себя в руки. – Я видел вас и после этого – один раз. Вы читали лекцию для нашей учебной группы в УСО. Мне не представилась возможность поговорить с вами после нее.

– Надеюсь, мое выступление было полезным.

– Вы говорили о предателях в движении Сопротивления и о том, что с ними делать. «Это очень просто, – сказали вы. – Нужно приставить ствол пистолета к затылку мерзавца и два раза нажать на спусковой крючок». Собственно, вы нас до смерти напугали.

Он смотрел на нее с обожанием, и Флик начала понимать, на что намекал Перси. Кажется, Брайан до сих пор был к ней равнодушен. Отойдя от него, она села по другую сторону стола и сказала:

– Ну, давайте начнем. Как вы знаете, вам предстоит установить контакт с ячейкой Сопротивления, которая почти уничтожена.

– Да, я должен выяснить, что от нее осталось и что она может делать – если вообще может.

– Скорее всего некоторые ее члены были схвачены во время вчерашнего боя и прямо сейчас их допрашивают в гестапо. Поэтому вам нужно быть особенно осторожным. В Реймсе вы свяжетесь с женщиной по кличке Буржуазия. Каждый день в три часа она приходит на молитву в крипту кафедрального собора. Обычно она там одна, но на тот случай, если там появится кто-то еще, на ней будут разные туфли – одна черная, другая коричневая.

– Это довольно легко запомнить.

– Вы скажете ей: «Помолитесь за меня». Она ответит: «Я молюсь за мир». Это пароль.

Он повторил эти слова.

– Она отведет вас к себе домой и свяжет с руководителем ячейки «Белянже» – его кодовое имя Моне. – Она говорила о своем муже, но Брайану незачем было об этом знать. – Пожалуйста, не сообщайте адрес или настоящее имя Буржуазии другим членам ячейки, когда с ними встретитесь... из соображений безопасности лучше, чтобы они этого не знали. – Флик лично привлекла Буржуазию к работе и сделала связником. Даже Мишель с ней не встречался.

– Понятно.

– У вас есть ко мне вопросы?

– Уверен, что мне нужно спросить у вас сотню вещей, но ничего в голову не приходит. Она встала и обошла вокруг стола, чтобы пожать ему руку.

– Ну что ж, удачи.

Он задержал ее руку.

– Я не забыл те выходные, когда вы приезжали к нам домой, – сказал он. – Я думал, что вы ужасная зануда, но вы были ко мне очень добры.

– Вы были милым ребенком, – улыбнувшись, небрежно сказала она.

– Собственно, я тогда в вас влюбился.

Ей хотелось отдернуть руку и уйти, но завтра он может умереть, и она не могла позволить себе такую жестокость.

– Я польщена, – ответила она, стараясь выдержать шутливо-дружеский тон.

Это ничего не дало – он был по-прежнему серьезен.

– Я подумал... может, вы... просто на счастье – меня поцелуете?

Она заколебалась. Ну и ладно, решила она и, встав на цыпочки, легонько поцеловала его в губы. Поцелуй длился всего секунду. От удовольствия мальчишка застыл на месте. Флик слегка потрепала его по щеке.

– Возвращайся живым, Брайан, – сказала она. И вышла.

Когда она вернулась в комнату, где сидел Перси, на столе лежала стопка книг и какие-то фотографии.

– Все в порядке? – спросил он.

Она кивнула.

– Он не очень подходит для нелегальной работы, Перси.

Перси пожал плечами.

– Он смел, говорит по-французски как парижанин и может метко стрелять.

– Два года назад вы бы направили его в армию.

– Это точно. А теперь я собираюсь направить его в Сэнди. – В находящейся недалеко от аэродрома Темпсфорд деревне Сэнди Брайана переоденут в ту одежду, которую носят французы, и выдадут фальшивые документы, которые ему понадобятся, чтобы проходить через гестаповские кордоны и покупать продукты. Перси встал и подошел к двери. – Пока я буду его провожать, может, посмотрите галерею негодаев? – Он указал на лежавшие на столе фотографии. – Это всё фотографии немецких офицеров, сделанные МИ-6. Если среди них окажется человек, которого вы видели на площади в Сан-Сесиль, мне было бы интересно узнать его имя. – И он вышел.

Флик взяла в руки одну из книг. Это был ежегодный альбом с фотографиями выпускников военной академии – двести маленьких, размером с почтовую марку, снимков цветущих молодых людей. Таких книг было с десятков или даже больше, рядом лежало несколько сотен фотографий.

Флик не хотелось провести всю ночь, глядя на фотопортреты, но, возможно, ей удастся сузить круг поисков. Человеку с площади на вид было около сорока. Он должен был закончить академию в возрасте что-то около двадцати двух лет, так что год выпуска должен быть примерно 1926-й. Все ежегодники были гораздо новее.

Она обратила свое внимание на рассыпанные по столу фотографии. Просматривая их, она постаралась вспомнить об этом человеке все, что можно. Он довольно высок и хорошо одет, но на снимке этого не увидишь. У него густые темные волосы, подумала она, и хотя он был гладко выбрит, все же казалось, что у него могла бы отрасти приличная борода. Она вспомнила темные глаза, четко очерченные брови, прямой нос, квадратный подбородок... в общем, он очень похож на киногероя.

Лежавшие на столе фотографии были сделаны при самых разных обстоятельствах. Некоторые снимки были взяты из газет и изображали офицеров, пожимающих руку Гитлеру, инспектирующих войска или глядящих на танки или самолеты. Некоторые, похоже, были сделаны разведчиками. Эти, самые реалистичные из всех фотографий, были сняты в толпе, из машины, через окно, и на них были изображены офицеры в магазине, с детьми, подзывающие такси или раскуривающие трубку.

Флик просматривала фотографии как можно быстрее, откладывая их в одну сторону. Каждого темноволосого мужчину она рассматривала чуть подробнее. Но никто из них не был так красив, как мужчина, которого она видела на площади. Она сначала пропустила снимок человека в полицейской форме, но затем снова к нему вернулась. Форма ввела ее в заблуждение, но после тщательного изучения Флик решила, что это именно он.

Она перевернула фотографию. На обороте ее был приклеен клочок бумаги с машинописным текстом. Там было напечатано следующее:

ФРАНК, Дитер Вольфганг, иногда «Франки»; родился в Кельне 3 июня 1904 г.; ок. Университет им. Гумбольдта в Берлине и полицейскую школу в Кельне; в 1930 г. жен. на Вальтрауд Лёве, 1 сын и 1 дочь; суперинтендант, отдел уголовного розыска полиции Кельна до 1940 г.; майор, управление разведки Африканского корпуса до...

Один из лучших офицеров в разведывательном аппарате Роммеля, считается крупным специалистом по ведению допросов и беспощадным садистом.

Флик содрогнулась при мысли о том, что оказалась так близко от столь страшного человека. Опытный полицейский детектив, предоставивший свои способности в распоряжение военной разведки, был чрезвычайно опасным врагом. А наличие семьи в Кельне, похоже, не мешало ему иметь любовницу во Франции.

Когда Перси вернулся, Флик подала ему фотографию.

– Это он.

– Дитер Франк! – сказал Перси. – Мы о нем знаем. Как интересно! Судя по тому, что вы слышали на площади, Роммель, кажется, поручил ему некую работу по противодействию движению Сопротивления. – Он сделал пометку в своем блокноте. – Надо известить МИ-6, ведь это они дали нам эти снимки.

В дверь постучали, и в комнату заглянула секретарша Перси.

– Тут вас желают видеть, полковник Твейт. – У девушки был кокетливый вид. Солидный Перси никогда не вызывал у секретарей подобной реакции, поэтому Флик предположила, что посетитель – интересный мужчина. – Американец, – добавила девушка. Это все объясняет, подумала Флик. Американцы – это само обаяние, по крайней мере для секретарей.

– А как он нас нашел? – спросил Перси. Адрес на Орчард-корт считался секретным.

– Он был на Бейкер-стрит, шестьдесят четыре, и они направили его сюда.

– Им не следовало этого делать. Видимо, он был очень настойчив. Как его зовут?

– Майор Чэнселлор.

Перси посмотрел на Флик. Она не знала никого по фамилии Чэнселлор. Затем она вспомнила нахального майора, который так грубо вел себя с ней в штаб-квартире Монти.

– Господи, это же он! – с отвращением сказала она. – Что ему нужно?

– Просите его, – сказал Перси.

Пол Чэнселлор вошел в комнату. Он хромал, чего Флик утром не заметила. Вероятно, с течением дня хромота усиливалась. У него было приятное лицо типичного американца, с большим носом и выступающим подбородком. Любые претензии на красоту портило левое ухо, вернее, то, что от него осталось, то есть фактически одна треть – в основном мочка. Флик решила, что он был ранен в бою.

– Добрый вечер, полковник, – отдав ему честь, сказал Чэнселлор. – Добрый вечер, майор.

– Мы здесь в УСО не придаем особого значения правилам отдания чести, Чэнселлор. Прошу садиться. Что привело вас сюда?

Усевшись, Чэнселлор снял форменный головной убор.

– Я рад, что застал вас обоих, – сказал он. – Большую часть дня я обдумывал тот утренний разговор. – Он самокритично усмехнулся. – Должен признаться, часть времени я потратил, сочиняя уничтожающие замечания, до которых вовремя не додумался.

Флик не удержалась от улыбки – она делала то же самое.

– Вы намекнули, полковник Твейт, что люди из МИ-6, возможно, не сказали всей правды насчет атаки на телефонную станцию, и это отложилось у меня в памяти. Тот факт, что майор Клэре вела себя со мной так грубо, не обязательно означает, что она искажала факты.

Флик уже была почти готова его простить, но тут она возмутилась.

– Я? Грубо?

– Замолчите, Флик, – сказал Перси.

Она закрыла рот.

– Поэтому я послал за вашим отчетом, полковник. Разумеется, запрос был сделан не от меня лично, а из аппарата Монти, так что его доставили с удвоенной скоростью нарочным мотоциклистом из КМСП.

Это серьезный тип, который знает, какие рычаги военной машины нужно нажимать, подумала Флик. Хоть он и самодовольная свинья, но может стать полезным союзником.

– Когда я его прочитал, то понял, что главной причиной поражения стали неверные разведданные.

– Которые предоставила МИ-6! – с возмущением сказала Флик.

– Да, я это заметил, – с мягким сарказмом сказал Чэнселлор. – Очевидно, МИ-6 прикрывала собственную некомпетентность. Сам я не профессиональный военный, но мой отец таковым является, поэтому я знаком с излюбленными трюками военных бюрократов.

– О! – задумчиво сказал Перси. – Так вы сын генерала Чэнселлора?

– Да.

– Продолжайте.

– МИ-6 ни в коем случае не смогла бы отмазаться, если бы на том совещании присутствовал ваш шеф, который мог бы сообщить версию УСО. Не может быть простым совпадением, что в последнюю минуту его вызвали в другое место.

Перси посмотрел на него с сомнением.

– Его вызвал премьер-министр. Не представляю, как МИ-6 могло бы это организовать.

– Черчилля на том совещании не было. Его вел помощник с Даунинг-стрит. А *организовали* совещание по предложению МИ-6.

– Ну, будь я проклята! – с возмущением сказала Флик. – Они такие змеи!

– Если бы они проявляли такую же сообразительность в сборе разведанных! – сказал Перси.

– Я также подробно изучил ваш план, майор Клэре, по тайному проникновению в шато с помощью группы, замаскированной под уборщиц. Конечно, это рискованно, но может сработать.

Неужели это означает, что ее план будет снова рассмотрен? Флик не смела задать этот вопрос.

Перси пристально посмотрел на Чэнселлора.

– И что же вы собираетесь с этим делать?

– По случайному совпадению сегодня вечером я ужинал с отцом. Я рассказал ему всю эту историю и спросил, что в подобных обстоятельствах должен делать адъютант генерала. Мы были в «Савое».

– И что же он сказал? – нетерпеливо спросила Флик. Ей было все равно, в каком ресторане они ужинали.

– Что я должен пойти к Монти и сказать ему, что он совершил ошибку. – Он скривился. – Для любого генерала это нелегко. Они очень не любят менять принятые решения. Но иногда это нужно делать.

– И что же вы? – с надеждой спросила Флик.

– Я уже это сделал.

– А вы времени зря не теряете! – с удивлением заметил Перси.

Флик задержала дыхание. После сегодняшнего отчаяния казалось невероятным, что она получит еще один шанс, к которому так стремилась.

– В конечном счете он отнесся к этому положительно, – сказал Чэнселлор.

Флик не могла сдержать своего возбуждения.

– Ради Бога – что именно он сказал о моем плане?

– Он его утвердил.

– Слава Богу! – Она вскочила, не в силах усидеть на месте. – Еще один шанс!

– Замечательно! – сказал Перси.

Чэнселлор поднял руку.

– Еще два момента. Первый, возможно, вам не понравится. Командовать операцией он назначил меня.

– Вас? – сказала Флик.

– Но почему? – сказал Перси.

– Когда генерал отдает приказ, его нельзя подвергнуть перекрестному допросу. Мне жаль, что это приводит вас в уныние. Даже если вы мне не доверяете, Монти мне верит.

Перси пожал плечами.

– И какое же второе условие? – спросила Флик.

– Это ограничение по времени. Я не могу сказать вам, когда произойдет вторжение, к тому же дата еще точно не определена. Но я могу сказать вам, что мы должны провести нашу операцию очень быстро. Если вы не достигнете цели к полуночи следующего понедельника, вероятно, будет уже слишком поздно.

– Следующего понедельника! – воскликнула Флик.

– Да, – сказал Пол Чэнселлор. – У нас ровно одна неделя.

День третий Вторник, 30 мая 1944 года

Глава одиннадцатая

Флик покинула Лондон на рассвете, на мотоцикле «винсент-комет» с мощным двигателем в 500 куб. см. Дороги были пусты. Топливо строго рационировалось, и водители могли получить тюремный срок за «ненужные» поездки. Флик ехала очень быстро. Это было опасно, но восхитительно, что вполне искупало возможный риск.

Точно так же она относилась к предстоящей операции – она и пугала ее, и приводила в восторг. Вчера они до поздней ночи просидели за чаем с Перси и Полом, занимаясь планированием операции. В группе должно быть шесть женщин, решили они, так как смена насчитывает неизменное количество уборщиц. Одна из них должна быть специалистом-подрывником, другая – телефонным мастером, которая должна решить, где именно следует разместить заряды, чтобы разрушить коммутатор. Кроме того, Флик хотелось получить одного снайпера и двух хороших солдат. Вместе с ней будет шесть человек.

На их поиски у нее был один день. Группа как минимум нуждалась в двухдневной подготовке – по крайней мере они должны научиться прыгать с парашютом. Это займет среду и четверг. Они высадятся возле Реймса в пятницу поздно вечером и войдут в шато вечером в субботу или воскресенье. Еще один день остается как допуск на ошибку.

Она пересекла реку по Лондонскому мосту¹⁹. Мотоцикл с ревом промчался по поврежденным бомбами улицам и набережным Бермондси и Ротерхайта, затем Флик свернула на Оулд-Кент-роуд, традиционный маршрут паломников, ведущий к Кентербери. Оставив позади пригороды, она дала полный газ. На некоторое время из ее головы улетучились все заботы.

Не было и шести часов, когда она достигла Сомерсхольма, загородного поместья баронов Коулфилдов. Флик знала, что сам барон по имени Вильям находится сейчас в Италии, где с боями пробивается к Риму в составе Восьмой армии. Кроме его сестры, почтенной Дианы Коулфилд, из членов семьи сейчас здесь никто не жил. Огромный дом с десятками спален для гостей и их слуг использовался как санаторий для солдат, выздоравливающих после ранения.

Флик снизила скорость до скорости пешехода и двинулась по аллее, обсаженной вековыми липами, глядя на возвышающееся впереди огромное здание из розового гранита с его пролетами, балконами, фронтонами и крышами, целыми гектарами окон и десятками дымоходов, остановившись на вымощенном гравием переднем дворе рядом с санитарной машиной и несколькими джипами.

В вестибюле сиделки разносили чашки с чаем. Хотя солдаты и относились к числу выздоравливающих, их все равно поднимали на рассвете. Флик спросила домоправительницу миссис Райли, и ее направили в подвал. Флик нашла ее возле печи в компании двух людей в комбинезонах.

– Привет, Ма! – сказала Флик.

Мать крепко ее обняла. Она была еще ниже дочери и такой же худой, но, как и Флик, была сильнее, чем казалось. Флик задохнулась в ее объятиях. Смеясь и хватая ртом воздух, она постаралась высвободиться.

¹⁹ Старейший мост в Лондоне, в 1968 г. демонтирован и продан в США.

– Ма, ты меня раздавишь!

– Пока тебя не увижу, даже не знаю, жива ли ты, – сказала ее мать. В ее голосе звучал слабый ирландский акцент – сорок пять лет назад она вместе с родителями уехала из Корка²⁰.

– Что случилось с печью?

– Она не рассчитана на такое количество горячей воды. Эти сиделки просто помешались на чистоте и заставляют бедных солдат каждый день мыться. Пойдем ко мне на кухню, я приготовлю тебе завтрак.

Флик очень спешила, но решила, что нужно уделить время матери. Кроме того, ей в любом случае нужно было поесть. Вслед за Ма она поднялась в жилые помещения для слуг.

Флик выросла в этом доме. Она играла в комнате для слуг, носилась по здешним лесам, ходила в сельскую школу, что в полутора километрах отсюда, приезжала сюда на каникулы из школы-интерната и университета. Она находилась в весьма привилегированном положении. Как правило, женщины, занимавшие такой пост, как ее мать, после рождения ребенка лишались работы. Но Ма разрешили остаться – отчасти из-за того, что старый барон был необычным человеком, отчасти из-за того, что она была настолько хорошей хозяйкой, что он боялся ее потерять. Отец Флик был дворецким, но он умер, когда ей исполнилось всего шесть лет. Каждый февраль Флик с матерью сопровождали хозяйскую семью на принадлежавшую ей виллу в Ницце, где Флик и выучила французский.

Старый барон, отец Вильяма и Дианы, относился к Флик с любовью. Он поощрял ее учебу и даже оплачивал ее обучение в школе. Он очень гордился тем, что она получила стипендию на обучение в Оксфордском университете. Когда в начале войны он умер, Флик была так расстроена, как будто потеряла родного отца.

Сейчас хозяйская семья занимала лишь небольшую часть дома. Кладовая старого дворецкого превратилась в кухню.

– Мне вполне хватит и одного кусочка тоста, – сказала Флик, когда мать поставила чайник.

Игнорируя ее слова, мать принялась жарить бекон.

– Ну, я вижу, с тобой все в порядке, – сказала она. – А как там твой красавец муж?

– Мишель жив, – сказала Флик, усевшись за кухонный стол. От запаха жареной грудинки у нее потекли слюнки.

– Значит, жив? Но очевидно, не совсем здоров. Ранен?

– Ему всадили пулю в задницу. От этого не умирают.

– Значит, ты его видела.

Флик засмеялась.

– Перестань, Ма! Я не должна этого говорить.

– Конечно, не должна. А с другими женщинами он не путается? Если *это* не военная тайна.

Флик не переставала поражаться ее интуиции. Это было просто невероятно.

– Надеюсь, что да.

– Гм! Ты имеешь в виду какую-то конкретную женщину?

Флик не стала отвечать прямо.

– Ты замечала, Ма, что мужчины иногда как будто не понимают, что девушка полная дура?

Ма презрительно фыркнула.

– Так вот оно что! Как я понимаю, она хорошенькая.

– Ммм.

– Молодая?

²⁰ Город на юге Ирландии.

- Девятнадцать лет.
- Ты с ним об этом говорила?
- Да. Он обещал прекратить.
- Он может выполнить свое обещание – если ты не задержишься слишком долго.
- Надеюсь.
- У Ма сразу упало настроение.
- Значит, ты возвращаешься?
- Не могу ничего сказать.
- Разве ты мало сделала?
- Пока что мы не выиграли войну – значит, мало.

Ма поставила перед Флик яичницу с беконом. Вероятно, это составляло ее недельный рацион. Но Флик подавила протест, готовый сорваться с ее губ. Лучше с благодарностью принять этот подарок. Кроме того, она действительно очень голодна.

- Спасибо, Ма! – сказала она. – Ты меня балуешь.

Мать довольно улыбнулась, а Флик принялась жадно есть. Пока Флик ела, она уныло рассуждала о том, почему Ма безо всяких усилий выудила у нее все, что хотела знать, несмотря на все попытки Флик уйти от ответов. – Тебе надо работать в военной разведке, – с набитым ртом сказала она. – Тебе поручали бы вести допросы. Ты ведь заставила меня все рассказать.

- Я же твоя мать и имею право это знать.

Как раз это не имело никакого значения – Ма могла бы об этом и не говорить.

Глядя, как Флик ест, мать выпила чашку чая.

– Разумеется, тебе нужно выиграть войну исключительно собственными силами, – с нежным сарказмом сказала она. – Ты такая с детства – чересчур независимая.

– Даже не знаю почему. За мной всегда присматривали. Когда ты была занята, рядом всегда было с полдюжину горничных, которые во мне души не чаяли.

– Наверное, я поощряла твою независимость из-за того, что у тебя не было отца. Когда ты хотела, чтобы я что-то для тебя сделала – починить велосипедную цепь или пришить пуговицу, – я обычно говорила: «Попробуй сама, а если не получится, я тебе помогу». В девяти случаях из десяти я больше об этом не слышала.

Покончив с беконом, Флик вытерла тарелку куском хлеба.

– Много раз мне помогал Марк. – Марком звали ее брата, который был на год старше. Лицо матери помрачнело.

– Правда? – спросила она.

Флик подавила вздох. Два года назад Ма поссорилась с Марком. Он работал в театре режиссером и жил с актером по имени Стив. Ма давно уже поняла, что Марк «не из тех, кто женится», как она это называла. Однако в припадке излишней честности Марк повел себя настолько глупо, что сказал Ма, что он любит Стива и что они с ним как муж и жена. Она смертельно оскорбилась и с тех пор больше не разговаривала с сыном.

– Марк тебя любит, Ма, – сказала Флик.

– Как же!

– Мне бы хотелось, чтобы ты с ним увиделась.

– Несомненно. – Ма забрала у Флик пустую тарелку и вымыла ее в раковине.

Флик раздраженно покачала головой.

– Ты чересчур упрямисься, Ма.

– Тогда понятно, откуда у тебя это свойство.

Флик невольно улыбнулась – ее часто обвиняли в излишнем упрямстве. Перси называл его «ослиным». Она сделала попытку примирения:

– Ну, я думаю, ты не виновата в своих чувствах. В любом случае я не собираюсь с тобой спорить, особенно после такого чудесного завтрака. – И все-таки она хочет, чтобы они помирились.

Но не сегодня. Она встала.

Ма улыбнулась:

– Как приятно тебя видеть! Я ведь беспокоюсь о тебе.

– У меня есть еще одна причина для приезда. Мне нужно поговорить с Дианой.

– О чем?

– Не могу сказать.

– Надеюсь, ты не собираешься забрать ее с собой во Францию?

– Перестань, Ма! Кто здесь говорил о Франции?

– Полагаю, это потому, что она так здорово обращается с оружием.

– Не могу сказать.

– Тебя же из-за нее убьют! Она не понимает, что такое дисциплина. Да и откуда ей это знать? Она же воспитывалась совсем по-другому. Конечно, это не ее вина. Но было бы глупо на нее полагаться.

– Да, я знаю, – нетерпеливо сказала Флик. Она уже приняла решение и не собиралась обсуждать его с Ма.

– Она уже несколько раз пыталась что-то делать для армии, и отовсюду ее выгоняли.

– Я знаю. – Тем не менее Диана была отличным снайпером, а у Флик не оставалось времени на то, чтобы привередничать. Приходится брать то, что можно получить. Больше всего ее беспокоило то, что Диана может отказаться. Заниматься подпольной работой никого не заставишь, такие вещи только для добровольцев. – Ты знаешь, где она сейчас?

– Думаю, она в лесу, – сказала Ма. – Она рано ушла – охотиться за кроликами.

– Понятно.

Диана любила охоту – на лис, на оленей, на зайцев, на гусей, даже рыбную ловлю. Если делать больше было нечего, она ходила стрелять кроликов.

– Просто иди на выстрелы.

Флик поцеловала мать в щеку.

– Спасибо за завтрак, – сказала она и пошла к двери.

– Смотри не попади под ее огонь! – крикнула вслед Ма.

Из служебного входа Флик вышла в кухонный сад и возле задней части дома вошла в лес. Деревья сияли молодой листвой, крапива была по пояс. В своих мотоциклетных ботинках и кожаных штанах Флик тяжело топала по подлеску. Лучший способ привлечь внимание Дианы, думала она, – послать ей вызов.

Углубившись в лес на полкилометра, она услышала выстрел из дробовика. Остановившись, она прислушалась и крикнула:

– Диана!

Ответа не последовало.

Она двинулась вперед, повторяя призыв примерно каждую минуту. В конце концов она услышала:

– Сюда, шумная идиотка, кто бы ты ни была!

– Иду, только опусти ружье!

Она нашла Диану на поляне – та сидела на земле, прислонившись спиной к дубу, и курила сигарету. Ружье было у нее на коленях, раскрытое для перезарядки, рядом лежало с полдюжину убитых кроликов.

– А, это ты! – сказала она. – Ты распугала всю дичь.

– Завтра она вернется. – Флик внимательно разглядывала свою подругу детства. Симпатичная Диана была похожа на мальчика, с короткими темными волосами и веснушками на носу. На ней была охотничья куртка и вельветовые брюки. – Как поживаешь, Диана?

– Скучаю. Расстроена. Подавлена. В остальном все прекрасно.

Флик присела рядом с ней на траву. Дело может оказаться легче, чем она думала.

– А в чем дело?

– Я тут гнию в английской деревне, в то время как мой брат завоевывает Италию.

– Как там Вильям?

– С ним все в порядке, он участвует в военных действиях, а вот мне никто не даст хорошую работу.

– Вероятно, я смогу тебе в этом помочь.

– Ты служишь в КМСП. – Диана вытащила изо рта сигарету и выдохнула струю дыма. – Дорогая, но я же не могу быть *шоферкой*!

Флик кивнула. Диана была слишком знатной, чтобы выполнять черную работу, которую предлагали большинству женщин.

– Ну, я здесь как раз для того, чтобы предложить тебе кое-что поинтересней.

– Что именно?

– Это может тебе не понравиться. Это очень трудно и опасно.

– И в чем она заключается? – скептически сказала Диана. – Водить машину при светомаскировке?

– Я не могу многого тебе рассказать, это секрет.

– Флик, дорогая, не рассказывай мне о том, что ты относишься к числу тайных агентов.

– Я получила звание майора не за то, что возила генералов на совещания.

Диана пристально посмотрела на нее.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Господи! – Против своей воли Диана была потрясена.

Флик нужно было получить ее добровольное согласие.

– Ну, так ты хочешь заняться кое-каким весьма опасным делом? Я имею в виду, что тебя вполне могут убить.

Диану это не испугало, а, наоборот, привело в радостное возбуждение.

– Конечно, хочу. Вильям рискует своей жизнью, а я чем хуже?

– Ты серьезно?

– Очень серьезно.

Флик постаралась скрыть охватившее ее чувство облегчения. Она решила использовать полученное преимущество.

– Есть одно условие, и для тебя оно, возможно, будет хуже любой опасности.

– Какое?

– Ты на два года меня старше, и всю нашу жизнь ты занимала более высокое социальное положение. Ты дочь барона, а я отпрыск экономки. В этом нет ничего плохого, я не жалею. Ма сказала бы, что так и должно быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.